

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

На правах рукописи

Татевосов Сергей Георгиевич

АКЦИОНАЛЬНОСТЬ В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ

Специальность: 10.02.20 —
сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
Диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2010

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Анатолий Николаевич Баранов**
Институт русского языка РАН

доктор филологических наук, профессор **Галина Ивановна Кустова**
Московский Государственный педагогический университет

доктор филологических наук, профессор **Вера Исааковна Подлеская**
Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета

Ведущая организация:

Институт языкознания РАН

Защита диссертации состоится _____ 2010 года в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2010 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

А. М. Белов

Общая характеристика диссертации

В диссертации изложены результаты **типологически ориентированного исследования акциональности**. Акциональность, известная также как семантический тип предиката, таксономическая категория глагола, аспектуальный класс, Aktionsart (в одном из значений этого термина), аспектуальный характер, тип ситуации, событийный тип (eventuality type), действие (action), положение дел, а также еще под несколькими названиями, — это семантическая характеристика, которая проявляется в различиях между предложениями, подобными английским (1)-(4):

- (1) John knows Russian.
Джон знает русский язык.
- (2) John walked in the garden.
Джон (по)гулял в саду.
- (3) John ate an apple.
Джон съел яблоко.
- (4) John reached the summit.
Джон достиг вершины.

В то время как (1) описывает состояние, остающееся неизменным в любой момент времени, (2)-(4) предполагают изменение во времени, то есть обозначают динамическую ситуацию. Ситуации, которые вводятся в рассмотрение предложениями (3)-(4), достигают кульминации, или предела, после чего возникает результирующее состояние, соответственно, 'яблоко съедено' и 'Джон находится на вершине'. С возникновением результирующего состояния ситуация с неизбежностью завершается. Напротив, результирующего состояния не предполагается в предложениях (1)-(2). Предложения (3) и (4), далее, различаются тем, что для первого, но не для второго существуют языковые выражения, которые вводят в рассмотрение промежуточные фазы ситуации. У (3) промежуточным фазам можно сопоставить предложение *John is (now) eating an apple* 'Джон (сейчас) ест яблоко'. Это невозможно для (4): предложение **John is (now) reaching the summit* 'Джон (сейчас) достигает вершины' неинтерпретируемо. Различия, подобные тем, которые мы наблюдаем в (1)-(4), составляют главный **объект настоящего исследования**.

Акциональность можно определять различными способами. В соответствии с классификацией З. Вендлера,¹ предложения (1)-(4) представляют четыре класса предикатов, которые он называет состояниями (states), деятельностью (activities), свершениями (accomplishments) и достижениями (achievements). У З. Вендлера был целый ряд предшественников, таких, например, как Г. Райл² и в особенности Ю. С. Маслов.³ Но несмотря на то, что к моменту появления работы З. Вендлера в изучении взаимодействия аспектуальной семантики и лексического значения глагола уже имелись серьезные наработки, именно вендлеровская классификация принимается в качестве отправного пункта в большинстве последующих исследований вида и акциональности.

¹ Vendler, Z. *Linguistics in Philosophy*. Cornell: Cornell University Press, 1967.

² Ryle, G. *The concept of mind*. London: Hutchinson, 1949.

³ Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия АН СССР. Серия Литература и Язык, 1948. № 7.4. С. 303-316.

Подходы, практикуемые в таких исследованиях, нередко существенно отличаются от исходных допущений и предположений З. Вендлера. Имеется несогласие относительно того, следует ли рассматривать акциональность как элемент лексического значения глагола, каковы характерологические свойства различных акциональных классов, как классы соотносятся друг с другом, образуют ли они иерархию или формируются полностью независимо друг от друга. Еще в большей степени это относится к теориям, которые сознательно уходят от вендлеровской классификации и выделяют группы естественно-языковых предикатов по другим основаниям, в частности, к фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна,⁴ к которой на протяжении исследования мы неоднократно обращаемся.

Есть, однако, то, что объединяет большинство теорий акциональности. Несмотря на многочисленные, в том числе и весьма важные содержательные различия, практически все они атипологичны. Они ничего не говорят о том, различаются ли языки своими акциональными системами. Более того, обычное (часто имплицитное) допущение состоит в том, что исчисление, порождающее вендлеровские классы (или их усовершенствованный вариант), логически универсально и вследствие этого обладает своего рода иммунитетом к межъязыковому варьированию. Ожидается, что в каждом языке все множество предикатов распадается на классы, которые З. Вендлер выделил для английского языка (возможно, с небольшими модификациями) и что глагол в исследуемом языке имеет такую же акциональную характеристику, как его английский лексический эквивалент. Обнаружение класса, который не предсказывается вендлеровским исчислением, фатально для теории, поскольку тогда от исчисления следует полностью отказаться и построить новое. А отсутствие в некотором языке классов, порождаемых исчислением, требует специального объяснения.

Теоретики, придерживающиеся композиционального подхода к виду и акциональности (Х. Веркейл, М. Крифка, К. Пиньон), предлагают формальные теории, в которых наряду со свойствами глаголов принимаются к рассмотрению свойства именных групп и акциональность исчисляется для всей предикации и/или глагольной группы. Композициональный подход предлагает последовательное объяснение того, как взаимодействует информация, заключенная в различных составляющих — глаголах, их актантах, предложных/последложных сирконстантах, результативных предикациях и т.д. Тем не менее, эмпирическая база композициональных исследований ограничена по большей части германскими, романскими, славянскими языками и финно-угорскими языками. Обнаружив важные различия в аспектуальной и акциональной организации этих языков, приверженцы этого подхода пока не предпринимали широкомасштабного типологического исследования.

Таким образом, **актуальность исследования** акциональности в типологической перспективе определяется тем, что годы работы по этой проблеме пока мало приблизили семантическую теорию к ответу на важнейший вопрос — как устроен возможный естественный язык с точки зрения структуры и семантики акциональных классов. То, что межъязыковое варьирование в сфере акциональности существует, отмечается в целом ряде работ, в частности, у К. Смит и Л. Юхансона. Тем не менее, практически ничего не известно ни об ограничениях на это варьирование, ни даже о его параметрах. Такое положение вещей мотивирует основные **цели и задачи настоящего исследования.**

⁴ Апресян Ю.Д. Фундаментальная классификация предикатов // Апресян Ю.Д. (ред.) Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

Прежде всего мы стремимся показать, что акциональность представляет собой параметр, которые допускает различные конфигурации в различных языках. Мы последовательно выстраиваем систему понятий, определяющих акциональность на частно-языковом уровне и позволяющих сформулировать межъязыковые обобщения как результат сопоставления частно-языковых акциональных систем.

В работе, далее, предлагается процедура выделения акциональных классов, которая, с одной стороны, позволяет сделать акциональные системы различных языков сопоставимыми, а с другой, эксплицитно и формально фиксирует наблюдающееся варьирование. Создание такой процедуры требует четкого понимания того, как акциональная семантика соотносится с другими компонентами значения предикации — видовыми и временными значениями, значениями разнообразных деривационных показателей, которые могут быть элементами глагольной основы, значениями, которые привносятся именными актантами глагола и, наконец, лексическим значением самой глагольной основы. Поэтому важной задачей исследования является практическая демаркация всех этих семантических элементов и объяснение того, как акциональность глагола, глагольной группы и предикации создается и видоизменяется в процессе синтаксической деривации.

Наконец, в работе проводится описание акциональности в нескольких конкретных языках, относящихся к различным генетическим и структурным типам. В частности, подробно обосновывается, что для тех языков, где видовые значения выражаются средствами глагольного словоизменения, анализ акциональности существенно отличается от языков, в которых вид выступает как деривационная категория. Тем не менее, разработанная процедура анализа в обоих случаях должна обеспечивать межъязыковую сопоставимость, и решение этой задачи также предлагается в настоящей работе.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Акциональная интерпретация предложения строится композиционно по мере наращивания (морфо)синтаксической структуры — от глагола до полностью развернутой предикации.

2. Акциональные свойства глагола и ближайших доминирующих над ним синтаксических проекций (глагольной группы и группы легкого глагола) недоступны для непосредственного наблюдения. То, что мы наблюдаем, — это глагол в более полной синтаксической конфигурации, в обычном случае — в клаузе. Чтобы объяснить акциональное поведение глагола в составе клаузы, нужны четыре типа информации — о значении видовременных показателей, о семантическом вкладе основных актантов в интерпретацию клаузы, о лексическом значении глагола и о значении деривационных показателей, если они есть.

3. Общая архитектура теории, объясняющей взаимодействие акциональных и аспектуальных компонентов значения клаузы, является двухкомпонентной. Акциональности и грамматическому виду соответствуют две независимые системы теоретических принципов, исходных допущений и единиц анализа.

4. Акциональная классификация проводится без опоры на какие-либо априорные соображения о структуре лексического значения и о семантике грамматических показателей в конкретном языке. Поскольку единственным эмпирически наблюдаемым проявлением акциональности является интерпретация глаголов в комбинации с актантами, деривационными и словоизменительными морфемами в составе полностью развернутых клауз, разбиение на акциональные классы должно опираться именно на наблюдаемое поведение глагольных форм, а не на предполагаемые свойства ненаблюдаемых глагольных лексем.

5. Акциональная классификация проводится по-разному для языков, в которых видовые значения реализуются в рамках глагольного словоизменения, и для языков с деривационным (словообразовательным) видом. В первых классы выделяются исходя из акциональных значений двух основных глагольных словоформ, перфективной и имперфективной. Во вторых объектом классификации выступают акциональные группы — множества лексем, находящихся в отношении морфосинтаксической деривации и различающихся акциональным и видовым значением.

6. Акциональность подвержена межъязыковому варьированию. Вендлеровские акциональные классы представлены в акциональных системах конкретных языков, но диапазон возможностей ими не исчерпывается. Среди акциональных классов, которые регулярно обнаруживаются в языках, но отсутствуют в вендлеровской системе, — инцептивно-стативные, ингрессивно-непредельные, стативно-процессные, мультипликативные и двупредельные классы. Межъязыковое варьирование, однако, ограничено. В акциональных системах выделяется устойчивое ядро, которое универсально или близко к универсальному.

Цели и задачи, сформулированные выше, определяют **приемы и методы настоящего исследования** как сопоставительные и типологические. Как и в любом типологическом исследовании, развиваемый в настоящей работе подход к акциональности нацелен на выявление параметров межъязыкового варьирования и универсальных ограничений на это варьирование. **Материалом исследования** (для всех обсуждаемых языков, кроме русского) являются первичные данные об акциональных системах, непосредственно собранные в процессе полевой работы с носителями пяти генетически и ареально независимых языков. Это багвалинский (< андийский, нахско-дагестанский), татарский и карачаево-балкарский (< тюркский, алтайский), марийский (< финно-угорский, уральский) и ненецкий (< самодийский, уральский). Для русского языка широко применяется материал, извлеченный из Национального корпуса русского языка и различных интернет-источников.

Принимая во внимание ограниченность эмпирической базы, мы не претендуем на обобщения о возможном естественном языке. Скорее мы предлагаем углубленное исследование нескольких точек в пространстве типологических возможностей — отдавая себе полный отчет в том, что таких точек может быть существенно больше. Мы, однако, рассчитываем, что разработанный нами метод исследования акциональности, который составляет основной элемент **научной новизны** работы, может быть распространен на любые глагольные системы.

Теоретическая ценность исследования обуславливается двумя его результатами — построением целостной теории акциональной интерпретации предложения и созданием принципиально нового способа выделения акциональных классов предикатов в естественном языке на эмпирических основаниях. В работе обосновывается, что полная теория акциональности должна состоять по меньшей мере из четырех компонентов — теории лексического представления глагола, которая определяет, какие акциональные характеристики задаются словарно, деривационной теории, которая объясняет, как семантические характеристики деривационных морфем воздействуют на акциональность, теории акциональной композиции, которая выявляет вклад глагольных актантов в интерпретацию семантических характеристик, и теории вида, объясняющей, что происходит с акциональной семантикой предиката при присоединении видовых показателей. Все четыре теоретических компонента подробно обсуждаются в первой части работы, после чего для каждого предлагается теоретико-модельный анализ. Соединение четырех фрагментов этого анализа создает целостную теорию акционального значения.

Предложенная теория дополнена эмпирическим исследованием акциональности во второй части работы. Отталкиваясь от вендлеровского разбиения глагольных предикатов на состояния, деятельности, свершения и достижения, мы предлагаем новый подход к выделению акциональных классов. Основа этого подхода — идея о том, что разбиение на классы должно быть независимо от априорных гипотез о структуре глагольного значения, акциональной композиции и семантике видо-временных показателей. Классификация строится на основании поверхностного поведения видо-временных словоформ глагола в языках со словоизменительным видом и групп деривационно связанных глагольных лексем в языках со словоклассифицирующим видом. Предложенная процедура выделяет акциональные классы на эмпирических основаниях, требует минимальной адаптации при переходе от языка к языку и снабжает исследователя сопоставимым межъязыковым материалом. Этот метод извлечения акциональных данных, эксплицитный и простой в использовании, позволяет по-новому увидеть акциональность в естественном языке. Имеется устойчивое акциональное ядро, которое систематически воспроизводится в языках (в него, в частности, входят и вендлеровские классы), и менее стабильная, подверженная варьированию периферия, которую образуют предикаты со сложными акциональными характеристиками. Как представляется, эти результаты в корне меняют устоявшееся теоретическое представление об акциональности как о «логически универсальной», не подверженной межъязыковому варьированию семантической категории.

Практическое значение исследования определяется возможностью использовать предложенный метод акциональной классификации для описания глагольных систем произвольных языков. Этот метод может оказаться полезным в исследованиях по грамматической семантике и теории вида, а также при полевых исследованиях неизученных и малоизученных языков. Кроме того, он может использоваться в теории перевода и практической переводческой деятельности, а также при разработке научных и учебных грамматик малоисследованных языков, в частности, языков народов России. Конкретные результаты исследования, в частности, фрагменты теоретико-модельного анализа предикатного значения может найти применение в системах автоматической обработки текста на естественном языке, системах автоматического реферирования и индексирования, машинного перевода и т. п. Новое описание акциональной системы русского языка возможно инкорпорировать в разнообразные курсы обучения русскому языку как иностранному.

Структура работы. Диссертация состоит из **двух частей, заключения, приложения и библиографии**. Первая, теоретическая часть, содержит пять глав и заключение. В **главе 1** описывается общая архитектура теории акциональности. В **главах 2-5** охарактеризованы существующие достижения и наиболее болезненные проблемы в разработке четырех ключевых подтеорий — теории вида, теории акциональной композиции, теории лексического значения и деривационной теории. После обсуждения имеющихся альтернатив в каждой из глав выдвигаются новые эмпирические аргументы в пользу того или иного подхода и формулируются новые гипотезы, объясняющие наблюдаемые внутри- и межъязыковые закономерности. В каждой главе содержится фрагмент теоретико-модельного анализа обсуждаемых явлений.

Во **второй, эмпирической части** исследования, содержащей четыре главы и заключение, предлагается система практических методов и приемов анализа акциональности. В **главе 6** предложены общие принципы типологически ориентированного подхода к акциональным значениям. **Глава 7** определяет и уточняет процедуру анализа акциональных свойств глаголов в языках, где вид является элементом системы глагольного словоизменения. Здесь же обсуждаются несколько сопутствующих проблем, в частности, проблема акциональной вариативности и

акциональной композиции. В **главе 8** предложено углубленное исследование акциональных систем трех генетически и ареально независимых языков — карачаево-балкарского, багвалинского и марийского. В **главе 9** на русском материале показано, как распространить разработанную процедуру на языки, в которых вид представляет собой словоклассифицирующую категорию.

В **Заключении** суммируются основные результаты исследования. **Приложение** содержит подробное описание глагольных систем трех из исследованных языков. В библиографии представлено более 800 работ российских и зарубежных авторов.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации подготовлены 12 статей в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, более 20 статей в других рецензируемых научных изданиях, 30 статей в прочих научных изданиях, разделы в трех коллективных монографиях. Результаты, полученные в ходе диссертационного исследования, легли в основу монографии. Материалы исследования и некоторые из его основных результатов нашли отражение в курсах «Формальный аппарат лингвистики» и «Современный русский язык. Морфология», которые автор читает студентам отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Описательные обобщения и их теоретический анализ, обоснованные в диссертации, были представлены на следующих российских и международных научных конференциях: XXVI Ежегодная конференция Лингвистического общества Беркли (Стенфордский университет, США, 2000), Конференция по когнитивной типологии (Антверпенский университет, Бельгия, 2000), II международная конференция по контрастивной семантике и прагматике (Кембриджский университет, Великобритания, 2000), X Международный коллоквиум Лингвистического общества кавказоведов (Мюнхенский университет, Германия, 2000), XXII ежегодная конференция Германского лингвистического общества (Марбургский университет, Германия, 2000), II Зимняя типологическая школа (Москва, 2000), XVIII Морфологический конгресс (Венский университет, Австрия, 2000), IV, V, VI, VIII Международная конференция по формальному описанию славянских языков (Потсдамский и Лейпцигский университеты, 2001, 2003, 2005, 2009), Третья молодежная школа по компьютерной и когнитивной лингвистике (Казань, 2001), конференция «Лингвистические исследования в Европе на рубеже веков» (Левенский университет, Бельгия, 2001), I, V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2001, 2010), III, IV, V, VII Международные конференции ассоциации лингвистической типологии (Амстердамский, Калифорнийский университеты, университет Кальяри, университет Париж-3, Нидерланды, США, Италия, Франция, 1999, 2001, 2003, 2007), конференция «Перспективы исследования вида» (Утрехтский университет, Нидерланды, 2001), V, VII, VIII Коллоквиум по виду, времени и модальности «Хронос» (Гронингенский и Антверпенский университеты, университет Париж-8, Нидерланды, Бельгия, Франция, 2002, 2006, 2009), VII, X, XII конференции «Смысл и денотат» (Констанцкий, Берлинский и Дюссельдорфский университеты, Германия, 2002, 2005, 2007), XIV и XVI Амстердамский коллоквиум по логике, вычислительной математике и языкознанию (Амстердамский университет, Нидерланды, 2003 и 2007), Рабочее совещание по типологии ирреальных категорий (Москва, 2003), Казанская школа-семинар по компьютерной и когнитивной лингвистике (2003, 2005, 2006), конференция «Вид русского глагола» (Лейпцигский университет, Германия, 2003), Ломоносовские чтения (Москва, 2003, 2004, 2006, 2008, 2009, 2010), I, II, III, V конференция по формальной алтаистике (Массачусеттский технологический институт, Стамбульский университет, МГУ, Лондонский университет, США, Турция, Россия, Великобритания, 2003, 2004, 2006, 2008), Средиземноморская конференция по морфологии (университет Катании, Италия, 2003), XVI Международный симпозиум по теоретической и

прикладной лингвистике (Салоники, Греция, 2003), I, II, IV конференции «Перспективы славистики» (Левенский, Регенсбургский, Пражский университет, Бельгия, Германия, Чехия, 2004, 2006, 2009), конференция «Отглагольные имена» (Лилльский университет, Франция, 2004), XIV, XVI, XVII конференция «Формальные подходы к лингвистике славянских языков» (Принстонский университет, Нью-Йоркский госуниверситет в Стоуни-Бруке, Корнельский университет, США, 2005, 2007, 2009), IX международная конференция по прагматике (Рива дель Гарда, Италия, 2005), Международная конференция к 100-летию со дня рождения А.А.Холодовича (Санкт-Петербург, 2006), конференция ТАМ-ТАМ по времени, виду и модальности (Неймегенский университет, Нидерланды, 2006), конференция по аргументной структуре и синтаксической реализации (университет Витории, Испания, 2007), V Коллоквиум по синтаксису и семантике (университет Париж-3, Франция, 2007), Конференция молодых исследователей-типологов (Санкт-Петербург, 2007), конференция «Каузация в грамматической структуре» (университет Париж-4, Франция, 2007), конференция «Кавказские языки» (Лейпцигский университет, Германия, 2007), конференция «Сложные предикаты в иранских языках» (университет Париж-3, Франция, 2008), XVIII международный лингвистический конгресс (Сеульский университет, Корея, 2008), Московская студенческая конференция по лингвистике (Москва, 2008), конференция «Языки 44-го меридиана» (Дюссельдорфский университет, Германия, 2009), IV Международная конференция по иранскому языкознанию (университет Париж-4, Франция, 2009), конференция «Синтаксис и семантика в Москве» (Москва, 2009).

Разработанный автором метод исследования акциональности успешно внедряется в практику типологических и частно-языковых исследований семантики глагольных предикатов. Он применялся для типологически ориентированных описаний акциональных систем в целом ряде генетически и ареально независимых языков — литовском (Аркадьев 2009а), калмыцком (Овсянникова 2009), адыгейском (Аркадьев 2009б), алтайском (Пазельская, Рыбинцева 2009).⁵

Содержание работы

Во **Введении** обсуждаются основные понятия, связанные с акциональностью в естественном языке, намечаются цели и задачи работы, обосновывается ее актуальность, теоретическая ценность и практическая значимость.

Часть I «Глагол и проблема непрямого доступа» имеет теоретический характер. В ней перечисляются достижения современных теорий акциональности, обсуждаются сопутствующие проблемы, выдвигаются гипотезы о различных компонентах семантики глагольных предикатов и разрабатывается их теоретико-модельная реализация.

В **главе 1 «Носители акциональных значений»** намечается общая архитектура теории, описывающей и объясняющей акциональные характеристики различных компонентов предикации — глагола как лексической единицы, глагольной группы и клаузы. Мы принимаем допущение, что акциональная интерпретация предложения строится композиционно по мере наращивания (морфо)синтаксической структуры. Построение начинается с минимального носителя акционального значения — с глагольной основы. Затем добавляется информация, которая содержится в

5 Аркадьев П.М. Теория акциональности и литовский глагол // Балто-славянские исследования. М., 2009. Вып. XVIII. С. 72-94. Овсянникова М.А. Акциональные классы глаголов калмыцкого языка // Acta linguistica Petropolitana — Труды института лингвистических исследований РАН. СПб, 2009. Т. 5. Ч.2. Исследования по грамматике калмыцкого языка. С. 94-123. Аркадьев П.М. Глагольная акциональность // Тестелец Я.Г., Аркадьев П.М., Летучий А.Б., Сумбатова Н.Р. (ред.) Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009. С. 201-261. Пазельская А.Г., Рыбинцева Н.В. Акциональные классы глаголов и смежные вопросы // С. Г. Татевосов (ред.) Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 54-77.

деривационных морфемах. Далее создается глагольная группа; в этот момент в игру вступает внутренний аргумент глагола и его семантические характеристики. Затем возникает группа легкого глагола, в которой представлен внешний аргумент. После этого значение группы легкого глагола соединяется со значением словоизменительных видовременных морфем и образуется предложение, в котором мы наблюдаем определенное акциональное значение.

Это означает, что полная теория акциональности должна состоять по меньшей мере из четырех компонентов:

- теории лексического представления глагола, которая определяет, какие акциональные характеристики должны задаваться словарно;
- деривационной теории, которая отвечает за семантические характеристики деривационных морфем и объясняет, как они воздействуют на акциональность;
- теории акциональной композиции, которая принимает к рассмотрению семантические характеристики актантов глагола и выявляет их вклад в акциональную интерпретацию;
- теории вида, которая объясняет, что происходит с акциональным значением при присоединении видовых показателей.

В главах 2-4 кратко охарактеризованы существующие достижения и проблемы в разработке каждой из этих теорий и предлагаются некоторые теоретические решения, проясняющие роль различных компонентов морфосинтаксической структуры в акциональной интерпретации.

Глава 2 посвящена обсуждению двух основополагающих проблем, которые возникают перед **теорией вида**, — проблемы того, как собственно видовой компонент семантики предложения соотносится с акциональным, и проблемы выделения частных видовых значений и их систематизации.

Существующие теории вида распадаются на два класса — однокомпонентные и двухкомпонентные. Первые исходят из того, что вид и акциональность содержательно идентичны и должны описываться и объясняться с помощью одного и того же набора понятий и единиц анализа. Вторые проводят между видом и акциональностью последовательное различие. В однокомпонентных теориях значения, выражаемые глаголом со своими актантами и словоизменительной морфологией, — это значения одной природы, и видовременные морфемы могут изменять акциональное значение предиката, с которым соединяются. В двухкомпонентных теориях формирование акционального значения, которое характеризует тип описываемой ситуации, завершается после соединения предиката со своими индивидуальными аргументами, и словоизменительная морфология не может его менять — она может лишь разместить ситуацию во времени и задать определенную перспективу ее рассмотрения. Мы показываем, что однокомпонентный подход сталкивается с целым рядом трудноразрешимых проблем, и это предопределяет выбор двухкомпонентной идеологии как приемлемой теоретической альтернативы.

Вторая важнейшая проблема для любой теории вида — выделение частных видовых значений. Известно два пути ее решения. Один из них — априорный: исследователь строит исчисление возможных видовых значений, опираясь на «логически универсальные» семантические признаки и «логически возможные» значения этих признаков. Затем частно-языковые выражения, глагольные формы и грамматические морфемы, характеризуются в терминах этих значений. Одно из наиболее известных достижений на этом пути — система видовых категорий,

разработанная И.А. Мельчуком.⁶ Другой путь — эмпирический: возможные в естественном языке видовые значения являются не отправным пунктом, а результатом исследования; частно-языковые формы и показатели, соответственно, выступают источником информации об устройстве системы универсальных значений. Единственным известным нам успешным примером осуществления такой исследовательской программы является работа Э. Даля.⁷ Сравнив априорную и эмпирическую стратегии выделения частных видовых значений на примере теоретических систем, разработанных И.А. Мельчуком и Э. Далем, мы показываем, что вторая обладает серьезными преимуществами перед первой.

Опираясь на результаты Э. Даля, мы отобрали и охарактеризовали пять основных видовых значений, которые систематически выражаются грамматическими средствами в языках мира, — перфективное, прогрессивное, перфектное, экспериенциальное и хабитуальное.

Эти значения внутренне неоднородны. Первые четыре отличаются от последнего эпизодичностью — они описывают единичную частную ситуацию, эпизод существования ее участников — *Володя строит дом, Вода замерзла, Эту книгу Володя уже читал* и т.д. Хабитуальное значение вводит в рассмотрение не эпизод, частный случай, а обобщение; это утверждение, характеризующее участника ситуации: *Володя знает английский язык, Володя курил (т.е. был курильщиком), Володя каждый год будет ездить в морской круиз*.⁸

Система видовых значений представлена на схеме 1.

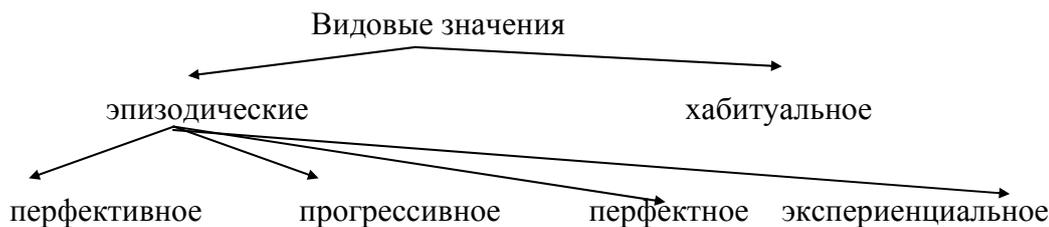

Схема 1. Система видовых значений

Опираясь на анализ видовых значений В. Кляйна,⁹ принятый во многих работах по аспектуальности, мы определяем видовые значения с использованием понятий фокусного времени и времени ситуации. Время ситуации — это временной интервал от левой временной границы ситуации до правой временной границы. Фокусное время — это время, о котором делается утверждение в предложении. Прогрессивное и перфективное значения различаются с точки зрения того, как первое соотносится со вторым.

Перфективное значение имеет место, если фокусное время заключает в себе интервал, занимаемый описываемой ситуацией, как показано на схеме 2. Фокусное время $[f_1, f_2]$, о котором идет речь в предложении, включает в себя левую границу ситуации (t_1), ее развитие и правую границу (t_2). Ситуация, таким образом, вводится в рассмотрение как единое целое: в содержание сообщения включается информация о тех точках на временной оси, между которыми она прошла путь от начала до завершения.

Прогрессивное значение — это когда фокусный интервал является подынтервалом времени ситуации. Согласно схеме 3, прогрессивное значение предполагает, что ситуация занимает в актуальном мире определенный промежуток

⁶ Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II. Часть 2. Морфологические значения. М.— Вена, 1998.

⁷ Dahl Ö. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

⁸ См. Carlson G., Pelletier F.J. (eds.) The generic book. Chicago, London: University of Chicago Press, 1995.

⁹ См. в первую очередь Klein W. Time in language. New York: Routledge, 1994.

времени $[t_1, t_2]$. Однако в предложении сообщается о меньшем промежутке $[f_1, f_2]$, а информация о реальных границах ситуации t_1 и t_2 в содержание сообщения не включается.

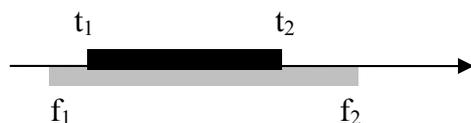

Схема 2. Перфективное значение

Схема 3. Прогрессивное значение

Экспериенциальное значение имеет место, если в предложении спрашивается, сообщается или отрицается, что описываемая ситуация имела место хотя бы однажды на протяжении временного интервала, правой границей которого является момент речи, а левой — некоторый момент времени в прошлом. Соотношение времени ситуации и фокусного времени представлено на схеме 4. Экспериенциальное предложение, согласно этой схеме, содержит в себе утверждение о фокусном временном интервале, простирающемся от некоторого момента в прошлом до момента речи t_0 , и внутри этого интервала размещается время ситуации. Время ситуации представляет собой локализованный в прошлом временной интервал, в течение которого ситуация имеет место — один или более раз. То, что фокусный интервал включает в себя время ситуации, сближает экспериенциальное значение с перфективным. Важнейшее отличие — локализация правой границы фокусного интервала: у экспериенциального значения она совпадает с моментом речи. Такое совпадение отражает идею о том, что экспериенциальное значение предполагает «взгляд» на описываемую ситуацию с позиции координат речевого акта.

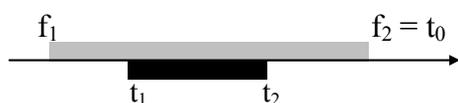

Схема 4. Экспериенциальное значение

Схема 5. Собственно перфектное значение в комбинации с прогрессивным

Собственно **перфектное значение**, или перфект результата, характеризуется тем, что описываемая ситуация имеет место в прошлом, а ее итоговое состояние тем или иным образом релевантно для ситуации коммуникации. Наибольшую популярность среди теорий перфекта имеет, по-видимому, анализ в терминах «расширенного сейчас» (extended now).¹⁰ Общая идея анализа для языков, в которых, как в английском, перфектное значение накладывается поверх прогрессивного и перфективного, а не образует с ними взаимоисключающие возможности, показана на схеме 5 для комбинации перфектного значения с прогрессивным. Предложения типа *I have been waiting for you* ‘Я тебя ждал’ сообщают, что описываемая ситуация имеет место начиная с некоторого момента в прошлом и до момента речи. Они содержат в себе грамматический показатель прогрессива, а значит, информацию о том, что фокусное время является подынтервалом времени ситуации. Перфект, который накладывается поверх прогрессива, извлекает из фокусного времени конечный подынтервал и требует, чтобы его правой границей был момент речи. Этот подынтервал представляет собой

¹⁰ См. обзорную статью Alexiadou A, Rathert M., von Stechow A. Introduction: the modules of Perfect constructions // Rathert M., Alexiadou A., von Stechow A. (eds.) Perfect Explorations. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.

«расширенное сейчас» в том смысле, что в содержание сообщения включается информация о положении дел не только в момент речи, но и в течение интервала в прошлом, непосредственно предшествующего этому моменту. Аналогично можно охарактеризовать и комбинацию перфектного и перфективного значений.

Хабитуальные предложения характеризуют участника ситуации: они не содержат информации о конкретной ситуации, имеющей однозначную пространственную и временную локализацию, а представляют собой обобщающие утверждения. Обобщения извлекаются из множества единичных ситуаций: если известно, например, что ситуация ‘Володя курит’ регулярно воспроизводится на неограниченном временном интервале, говорящий имеет все основания заключить, что хабитуальное предложение *Володя курит* истинно. Каждая единичная ситуация при этом может быть описана этим же глаголом в одном из эпизодических значений, охарактеризованных выше.

Далее в главе 2 сформулирован фрагмент теоретико-модельного анализа видовых значений, опирающийся на предложенные В. Кляйном понятия фокусного времени и времени ситуации.

Завершает главу обсуждение основной эмпирической проблемы, возникающей при описании взаимодействия вида и акциональности — проблемы акциональной вариативности. Эта проблема состоит в том, что различные видовременные формы глагола систематически проявляют акциональные различия: в целом ряде языков мы обнаруживаем глаголы, перфективные формы которых описывают, например, достижение нового состояния, а имперфективные — само это состояние.

В главе 3 «Теория акциональной композиции» обсуждается вклад неглагольных компонентов клаузы в акциональную интерпретацию. Таких компонентов несколько, и самый важный из них — внутренний аргумент предиката. В языках существуют глаголы, которые могут возглавлять либо предельную, либо неопредельную глагольную группу в зависимости от того, каким свойствами обладает этот аргумент. Например, предложение *John wrote a letter in an hour* || **for an hour* ‘Джон написал письмо за час || *час’ допускает только предельную интерпретацию; прямое дополнение в нем — именная группа с исчисляемым существительным в единственном числе. Предложение *John wrote letters for an hour* || **in an hour* ‘Джон писал письма час || *за час’ с той же самой формой того же самого глагола, но с прямым дополнением в виде неопределенной ИГ во множественном числе, неопредельно.

С этим наблюдением связана главная онтологическая гипотеза, которая обсуждается в главе 3: именные предикаты, обозначающие индивиды, и глагольные предикаты, обозначающие события, устроены похоже. Именно поэтому свойства одних могут воздействовать на свойства других. В главе 3 подробно охарактеризована мереологическая теория М. Крипки, объясняющая, как осуществляется такое воздействие.¹¹ Любые предикаты, как именные, так и глагольные, характеризуются в терминах кумулятивности и квантованности. Кумулятивность — это свойство предиката, состоящее в том, что если две сущности входят в его экстенционал, то входит и их мереологическая сумма. Предикат, обозначаемый существительным *вода*, например, кумулятивен: сумма двух порций воды — это вода. Аналогично, существительное во множественном числе *яблоки* обозначает кумулятивный предикат: если соединить две совокупности, каждую из которых можно назвать словом *яблоки*, получившуюся совокупность можно будет назвать этим же словом. Напротив, предикаты типа *яблоко* или *пять яблок* (в той степени, в которой *пять яблок* можно

¹¹ См., например, Krifka M. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // Sag I., Szabolsci A. Lexical matters. Stanford: CSLI, 1992.

рассматривать как предикат) не являются кумулятивными. Если мы возьмем объект, обозначаемый выражением *пять яблок*, и еще один такой же объект, то их сумму нельзя будет описать как *пять яблок*; подходящий для этого предикат — *десять яблок*.

Квантованность — другое свойство: никакая собственная часть элемента экстенционала квантованного предиката сама не является элементом экстенционала. Например, предикат, обозначаемый существительным *яблоко*, квантован, поскольку никакая часть объекта, который называется словом *яблоко*, не входит в означаемое *яблоко*. Предикат *вода*, напротив, не является квантованным: порция воды, отделенная от большей порции воды, не перестает быть водой.

Коррелятами квантованности и кумулятивности в глагольной сфере выступают предельность и неопредельность. Например, неопредельный предикат *гулять* является кумулятивным и неквантованным, а предикат *написать письмо*, напротив, — некумулятивным и квантованным. Если некоторое событие *e*, продолжавшееся с 8.30 до 9.00, можно описать с помощью *гулять*, и это же верно для другого события *e'*, длившегося с 9.00 до 10.00, то сумма этих двух событий $e \oplus e'$, которая занимает интервал с 8.30 до 10.00, — это событие, для описания которого тоже подходит предикат *гулять*. Точно так же, любая часть события *e*, например, та, которая имела место с 8.40 до 8.45, тоже описывается предикатом *гулять*. Напротив, два события *написать письмо* в сумме не образуют события *написать письмо*, а образуют событие *написать письмо дважды* или *написать два письма*. Кроме того, никакая часть события *написать письмо* не является событием *написать письмо*.

Еще одно важнейшее свойство — инкрементальность — характеризует отношения между индивидами и событиями. Инкрементальность — это однозначное соответствие между частями индивида и частями соответствующего ему события. Если отношение между индивидами и событиями инкрементально, то свойства именного предиката, элементы которого входят в отношение, определяют свойства соответствующего событийного предиката. Кумулятивные именные предикаты создают кумулятивные (= неопредельные) событийные, а квантованные именные — квантованные (= предельные) событийные. Если отношение между индивидом и событием, в котором он участвует, не является инкрементальным, кумулятивность / квантованность именных аргументов не имеет последствий для предельности. Так меререологическая теория объясняет механизм взаимодействия референциальных свойств аргументов предиката с его предельностью.

Еще одно существенное наблюдение, которое сделано в главе 3: инкрементальное отношение возникает не только между событиями и их индивидуальными участниками, но и между событиями и траекториями перемещения участников, или путями, а также между событиями и степенями изменения параметрического свойства. Свойства путей и степеней изменения также оказывают воздействие на предельность. Общая идея анализа, которую можно предложить для этих случаев, близка к той, которая успешно работает для инкрементального индивидуального аргумента.

Последний, типологический результат главы состоит в том, что языки распадаются на группы с точки зрения того, как в них организовано взаимодействие событийной и несобытийной референции и как неглагольные компоненты клаузы влияют на предельность. Наиболее известные и теоретически проработанные случаи зафиксированы для языков типа английского: обобщения и анализ, в частности, меререологической теории, предназначены именно для таких языков. Языки типа русского принадлежат к другой группе: в них не аргумент определяет предельность событийного предиката, а наоборот предельность ограничивает интерпретацию аргумента. В предложениях *Вася написал письмо {за два часа || *два часа}* и *Вася написал письма {за два часа || *два часа}* глагол совершенного вида *написал* остается предельным независимо от того, какие именные группы выступают в качестве прямого

дополнения. Кроме того, интерпретация прямого дополнения определенным образом ограничена. ИГ *письма в написал письма* понимается таким образом, что в рассмотрение заранее введено определенное множество писем, и утверждается, что все они задействованы в описываемой ситуации. Другая из возможных интерпретаций — ‘неопределенная совокупность писем’ — для прямого дополнения недоступна. Ясно, что никакая собственная часть суммы всех писем, которые введены в рассмотрение в данном отрезке дискурса, не является суммой всех писем. Иными словами, в позиции прямого дополнения при глаголе совершенного вида обязательна квантованная именная группа и невозможна именная группа, содержащая в своем означаемом кумулятивный предикат.

Таким образом, основной параметр межъязыкового варьирования в сфере акциональной композиции состоит в следующем. В одних языках, таких, как английский, жестко фиксируется (например, с помощью артиклей) интерпретация именной группы, и от нее зависит, предельную или непредельную интерпретацию будет иметь глагольная группа. В других языках, например, в русском, заранее известно, что будет ли глагольная группа предельной. Если будет, у инкрементального аргумента не остается другого выхода, кроме как быть квантованным.

Основной теоретический результат главы 3 — теоретико-модельный анализ фрагмента акциональной композиции для языков типа английского, который делает наглядными основные идеи мереологической теории. Завершается глава обзором проблем, которые до настоящего времени не получили в теории удовлетворительного решения и которые тем самым оказываются существенными для развития сюжета предлагаемого исследования.

Результаты главы 4 «Теория лексического представления», в которой обсуждаются подходы к анализу структуры лексического значения глагольных предикатов, довольно разнообразны. В начале главы отмечается важнейший сдвиг в понимании природы акциональности, совершившийся в 70-е годы: она перестала рассматриваться как нечто отдельное от лексического значения глагола и превратилась, более того, в его структурообразующее начало. Мы подробно разобрали теорию Д. Даути,¹² которой современное понимание лексического значения глагольных предикатов обязано несколькими ключевыми идеями. Во-первых, это сама идея, что все предикатное значение строится вокруг акциональной структуры. Во-вторых, это идея о том, как устроена такая структура. Она создается из очень ограниченного репертуара семантических операторов, DO, CAUSE и BECOME, и конфигурации этих операторов характеризуют целые классы предикатов — состояния, деятельности, свершения и достижения. В-третьих, это идея о предикатной декомпозиции предикатов класса свершений. Наконец, в-четвертых, это идея увязать акциональные и актантажные свойства предиката: семантическое представление не только задает акциональную структуру, но и фиксирует состав аргументов.

Обсудив анализ Д. Даути для четырех вендлеровских классов, мы обращаемся к трем современным теориям значения, которые, несмотря на огромные различия, обнаруживают важнейшие содержательные сходства и друг с другом, и с теорией Д. Даути. Это теории Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, Е.В. Падучевой и Дж. Рэмченд.¹³

У Б. Левин и М. Раппапорт Ховав мы отмечаем важнейшую идею о том, что у разных предикатов лексически фиксированы разные компоненты смысла: одни

¹² Dowty D. R. *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel, 1979.

¹³ Rappaport Hovav M., Levin B. *Building verb meanings* // Butt M., Geuder W. (eds.) *The projection of arguments: lexical and compositional factors*. Stanford: CSLI Publications, 1998; Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004; Ramchand G. *Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

запечатлевают в лексическом значении дескриптивные свойства деятельности, другие — свойства результирующего состояния. Е. В. Падучева предлагает трехкомпонентную декомпозицию предиката, отсутствующую как у Б. Левин и М. Раппапорт Ховав, так и у самого Д. Даути. Именно эта особенность сближает Е. В. Падучеву с Дж. Рэмченд, которая, кроме того, предлагает невиданный со времен генеративной семантики ход: рассматривать глагольные предикаты исключительно как продукт синтаксической деривации.

Обсудив внутреннюю логику и аналитические приемы каждой из теорий, мы выбрали один из классов предикатов — класс свершений — и подвергли его углубленному исследованию. В частности, мы рассмотрели несколько параметров, по которым варьируют возможные способы анализа таких предикатов. Это прежде всего количество и состав (под)событийных компонентов, тип отношения, связывающего эти компоненты, спецификация дескриптивных свойств у каждого из компонентов и распределение актантов глагола между элементами его семантического представления. Рассмотрев данные, которые можно получить, комбинируя предикаты класса свершений с такими операторами, как отрицание и наречия типа 'почти' и 'опять', мы обнаружили, что трехкомпонентная декомпозиция (деятельность — процесс — результирующее состояние) имеет определенные преимущества перед двухкомпонентной (деятельность — результирующее состояние).

Наконец, опираясь на теорию синтаксиса первой фазы Дж.Рэмченд, а также на идеи, сформулированные в Lyutikova, Tatevosov 2009,¹⁴ мы предложили еще один фрагмент теоретико-модельного анализа, в котором глагольные предикаты получают последовательно декомпозиционное представление. Дескриптивные свойства подсобытий получают синтаксическую репрезентацию, независимую от отношений между ними. Мы предложили систему из трех таких отношений — отношения общей каузации, отношения непосредственной каузации и инкрементального отношения на событиях. Эта система делает обширные и достаточно точные предсказания о семантике как отдельных глагольных предикатов, так и целых предикатных классов.

Основная цель **главы 5** «Деривационная теория» — инкорпорировать в теорию акциональности разнообразный материал, который дает нам деривационная морфология. Мы начали главу с аргументов в пользу того, что любые глагольные предикаты, содержащие продуктивные деривационные морфемы, нуждаются в морфологической и семантической декомпозиции. Анализ, в котором комбинация глагольной основы с деривационным показателем рассматривается как атомарное целое, существенно проигрывает в эмпирической адекватности анализу, выявляющему семантический вклад того и другого.

Мы предположили, что основополагающая функция глагольной деривационной морфологии, релевантной для теории акциональности, — это разнообразные операции над событийной структурой. Три наиболее типичные функции глагольной деривационной морфологии такого типа суть

- изменение состава подсобытий, описываемых событийным предикатом,
- изменение количественных характеристик событийного предиката,
- изменение фазовых характеристик событийного предиката.

Самая важная из них — это добавление подсобытий. В главе 5 основное внимание уделяется именно деривациям, усложняющим событийную структуру путем введения в нее либо подсобытия деятельности, либо результирующего подсобытия.

Первая операция известна как каузативизация. Традиционно каузативизация понимается как повышающая актантная деривация, то есть как операция над актантной

¹⁴ Lyutikova E., Tatevosov S. Causativization and event structure. Ms., Moscow State University.

структурой, увеличивающая количество семантических и синтаксических актантов. Однако в главе 5 приводятся несколько важных эмпирических свидетельств, показывающих, что каузативная деривация — это не только и не столько добавление нового участника ситуации, сколько появление в событийной структуре нового подсобытия. Какую бы событийную структуру ни имел исходный предикат, у каузатива будет на одно подсобытие больше. Тем самым исходный глагол и образованный от него каузатив — это разные событийные предикаты с разным экстенсионалом.

Операцию добавления результирующего подсобытия мы рассмотрели на русском материале. В частности, мы установили, что функция широкого класса глагольных префиксов — это внедрение в событийную структуру результирующего состояния. Именно этим морфологически простые («имперфективные») основы типа *писа-* отличаются от префигированных («перфективных») основ типа *написа-*. *Писа-* обладает структурой деятельности, а *написа-* — структурой свершений и, соответственно, они характеризуются полным набором свойств, которыми в принципе могут обладать предикаты этих классов.

Мы рассмотрели три группы явлений, подтверждающих это ожидание. Во-первых, если в событийной структуре имеется в качестве самостоятельного компонента результирующее состояние, то в некоторых семантико-синтаксических конфигурациях оно должно иметь поверхностные проявления. В такой конфигурации свершения, обладающие результирующим состоянием, и деятельности, его лишенные, ведут себя по-разному. Во-вторых, событийная структура дает о себе знать, когда речь идет о синтаксической обязательности прямого дополнения. Для большинства деятельности оно факультативно, для свершений обязательно. И вновь мы обнаруживаем, что глаголы типа *написать* ведут себя как свершения, а *писать* — как деятельности. В-третьих, семантическая неэлементарность структуры свершений проявляется в том, что некоторые операторы могут включать в свою сферу действия одни компоненты этой структуры отдельно от других. Мы рассмотрели три оператора — отрицание, *почти* и *опять*. Картина, которую позволяют увидеть эти операторы, воспроизводится совершенно систематически. Всякий раз, когда перед нами глагол типа *написать*, возможно, что в сферу действия оператора входит только результирующее состояние, но не деятельность. Для глаголов типа *писать* такое невозможно: сфера действия с необходимостью включает всю ситуацию целиком. Таким образом, целый ряд независимых фактов подтверждает гипотезу о событийной структуре приставочных и бесприставочных глаголов типа *писать* и *написать*. Если это верно, то преобладающий в традиционной аспектологии взгляд на приставочную перфективацию как на операцию с грамматическим видом *par excellence* должен быть существенно скорректирован.

Далее в главе 5 кратко намечаются возможные пути анализа деривационных показателей, отображающих множества единичных событий в множества, составленные из их сумм. (Деривационные морфемы такого типа известны как показатели глагольной множественности.) Кроме того, на примере инхоативных показателей разбираются возможные варианты анализа фазовой модификации.

Теоретико-модельный фрагмент, предложенный в этой главе, состоит из двух частей. Во-первых, здесь предлагается анализ каузативов, опирающийся на такую архитектуру глагольной группы, в которой отношения между подсобытиями получают независимую репрезентацию. Эта архитектура дает нам серьезные преимущества при объяснении того, при каких обстоятельствах каузативы обозначают непосредственную каузацию, а при каких допускают также опосредованную. Во-вторых, сформулирован анализ результирующих префиксов в русском языке как операторов над событийной структурой, добавляющих к ней результирующее состояние. Отметив, что

композиционный анализ префиксации сталкивается с серьезной проблемой (в комбинации с любой основой префикс обозначает конкретное состояние, хотя дескриптивные свойства этого состояния не могут быть частью его семантики), мы показали, что параметризованные выбирающие функции открывают многообещающие возможности ее решения.

Наконец, мы суммировали основные затруднения, с которыми сталкиваются теории лексического значения и теории, объясняющие вклад в интерпретацию деривационных показателей. Ни те ни другие не предсказывают однозначно акциональные характеристики глагольного предиката. Хотя отправной точкой для теорий лексического значения послужили, начиная с Д. Даути, именно вендлеровские акциональные/аспектуальные классы, ближе к концу пути лексическая/деривационная и акциональная семантика обособились достаточно, чтобы утратить взаимно-однозначное соответствие.

Завершая первую часть исследования, мы отметили важность так называемой проблемы непрямого доступа для построения полной теории акциональности. Акциональные свойства глагола и ближайших доминирующих над ним синтаксических проекций (глагольной группы и группы легкого глагола) недоступны для непосредственного наблюдения. То, что мы наблюдаем, — это глагол в более полной синтаксической конфигурации, в обычном случае — в клаузе. Чтобы увидеть, какова в точности семантика одного из компонентов клаузы, надо знать, какова семантика остальных, но единственный доступный непосредственному наблюдению семантический объект — это общая сумма всех компонентов.

Преодолению эти проблемы посвящена **вторая, эмпирическая часть** работы, в которой предлагается новая межъязыковая процедура акциональной классификации, позволяющая работать с акциональностью, не опираясь на априорные гипотезы об устройстве лексического представления, событийной структуры, акциональной композиции и так далее. Мы отказываемся от идеи, что вендлеровская классификация универсальна, и выделяем акциональные классы в исследуемом языке по независимым основаниям, причем так, чтобы обобщения о конкретных языках были сопоставимы и позволяли выявить и объяснить межъязыковые закономерности.

В **главе 6** «Акциональная классификация и акциональные значения» сформулированы общие принципы акциональной классификации и выделены пять акциональных значений, которые далее используются при ее проведении. Акциональная классификация в нашем понимании — это разбиение множества объектов классификации на классы, которое производится применением универсальных акциональных критериев.

Основная идея, лежащая в основе предлагаемого метода: если единственный доступный для непосредственного наблюдения объект — это глагол, представленный какой-то видовременной словоформой в окружении аргументов и со всей своей деривационной морфологией, мы должны работать именно с этим объектом. На этапе акциональной классификации мы исповедуем полный агностицизм касательно лексического представления глагола — мы не знаем, как оно устроено, и не интересуемся этим. Мы также исповедуем агностицизм по поводу того, воздействуют ли видовременные показатели на акциональные характеристики глагола, к которому применяются, и не интересуемся этим. Мы договариваемся о том, как зафиксировать и проследить эффекты акциональной композиции и тем самым выносим за скобки их при построении классификации. И главное: акциональная классификация опирается не на свойства ненаблюдаемых лексем, а на свойства наблюдаемых глагольных форм.

Определение акциональности на частно-языковом уровне представлено в (5):

- (5) Акциональность (в данном языке) — это разбиение множества объектов классификации на непересекающиеся акциональные классы, которое задается множеством универсальных акциональных критериев (далее — АК-множество).

Носители акциональных значений весьма разнообразны. Чтобы определение (5) учитывало разные возможности, в нем использовано нейтральное понятие “объект классификации”, которое в частных классификациях подлежит уточнению. В частности, так называемые языки со словоизменительным видом и языки с деривационным (словоклассифицирующим) видом различаются тем, что предполагают разные объекты классификации — в первом случае это глагольные лексемы, а во втором — группы лексем.

Никаких априорных ограничений на то, как может быть устроено АК-множество, по-видимому, нет. Единственное очевидное требование состоит в том, чтобы критерии не задавались на частно-языковых основаниях и были осмысленно применимы к материалу любого языка. Вводя критерии, мы исходим из того, что каждый из них представляет собой **приписывание акционального значения из закрытого множества**. Список значений, использованных в настоящем исследовании, состоит из пяти единиц: СОСТОЯНИЕ, (единичный) ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС и МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС.

Первое из значений — СОСТОЯНИЕ. Как отмечают исследователи акциональности (З. Вендлер, Б. Комри, Д. Даути, С. Дик, Т.В. Булыгина, О.Н. Селиверстова, Е.В. Падучева, Ю.П. Князев), состояние — это ситуация, которая не претерпевает изменений с течением времени, не предполагает качественно различных временных фаз и не требует постоянного притока энергии для своего продолжения. Теоретико-модельные семантисты, работающие в парадигме темпоральной семантики (Б. Парти, М. Беннет, Д. Даути, А. фон Штехов), отмечают, что предложения, описывающие состояния, обладают свойством подынтервала: всякий раз, когда они истинны на временном интервале I , они истинны и на любом подынтервале I . Приверженцы семантики событий (Т. Парсонс, М. Крипка, Х. Филип, С. Ротстин) указывают, что предикаты, обозначающие состояния, обладают свойствами **кумулятивности** и **подразделимости**. Действительно, если ситуация e , продолжавшаяся в течение 2008 года, описывается с помощью предиката *любить суши*, и это же верно для ситуации e' , длившейся в течение 2009 года, то сумма этих ситуаций $e \oplus e'$, которая занимает временной интервал с начала 2008 до конца 2009 года, — это тоже ситуация, для описания которой подходит предикат *любить суши*. Точно так же, любая собственная часть ситуации e , например, та, которая имела место с июня по август 2008 года, также описывается предикатом *любить суши*.

В аспектологической литературе (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, Е.В. Падучева, О.Н. Селиверстова, Ю.П. Князев) существует традиция проводить дальнейшие разграничения среди стативных предикатов. Например, Ю.П. Князев¹⁵ вводит трехчленное противопоставление постоянных (*Село стоит на высокой горе*), устойчивых (*Володя знает английский язык*) и временных (*Володя находится в Нью-Йорке*) свойств. Ю.Д. Апресян предлагает еще более дробное деление: в его фундаментальной классификации разновидности состояния составляют едва ли не половину из 15 главных классов: собственно состояния (*знать*), локализации (*находиться*), свойства (*виться* (о волосах)), способности (*владеть шпагой*), параметры (*вмещать*), существования (*существовать*), отношения (*содержать*).

Есть, однако, ощущение, что в интерпретации некоторого состояния как постоянного, устойчивого или временного знания о мире играют значительно большую

¹⁵ Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

роль, чем собственно семантика языковых выражений типа *находиться в Нью-Йорке*, *знать английский язык* или *стоять на высокой горе*. В мире, который минимально отличается от нашего тем, что населенные пункты иногда меняют свое местоположение, *Село стоит на высокой горе* описывает не постоянное, а лишь устойчивое свойство. Устойчивость свойства также не выглядит чем-то заданным раз и навсегда. Свойство *знать дифференциальное исчисление* менее устойчиво, чем *знать таблицу умножения*, а *знать программу завтрашнего концерта*, по-видимому, и вовсе является временным. Встречая все новые и новые примеры такого рода, мы не можем не предположить, что «устойчивость», «неизменность», «постоянство» и другие аналогичные понятия, фигурирующие в определениях подклассов состояний, в большей степени характеризуют экстралингвистические представления об устройстве мира, чем значение предикатов, обозначающих эти состояния. Сами по себе стативные предикаты (или во всяком случае, очень значительная их часть) не специфицированы по параметру устойчивости и постоянства: этот параметр фиксируется, лишь когда мы соединяем семантику предиката с более широким экстралингвистическим контекстом. Это главная причина, по которой при проведении межъязыковой акциональной классификации мы отказываемся от выделения разнообразных подтипов значения СОСТОЯНИЕ.

Важнейший вопрос — чем отличаются состояния и динамические неопредельные ситуации, вендлеровские *states* и *activities*, и как можно сформулировать разумные правила приписывания акциональных значений СОСТОЯНИЕ и ПРОЦЕСС.

С интуитивной точки зрения процесс, в отличие от состояния, представляет собой ситуацию динамическую, предполагает изменения во времени и, по удачному наблюдению Б. Комри, требует притока энергии для своего осуществления. Более строго разграничить ПРОЦЕССЫ и СОСТОЯНИЯ, однако, довольно трудно. Прежде всего, ПРОЦЕССЫ, как и СОСТОЯНИЯ, кумулятивны: если *e* — это *гулял* и *e'* — *гулял*, то и про $e \oplus e'$ можно сказать то же самое. Процессы, однако, регулярно отличаются от состояний отсутствием строгой подразделимости. Имея дело с состоянием *любить суши* или *находиться в Нью-Йорке*, мы можем взять сколь угодно малую его часть, и все равно это будет состояние *любить суши* или *находиться в Нью-Йорке*. Иначе обстоит дело с процессом *ходить*: если взять отрезок ситуации длиной в один шаг или еще меньший, обнаружится, что он уже не входит в означаемое *ходить*. В этом смысле *ходить* не является строго подразделимым: процесс нельзя дробить на части до бесконечности; рано или поздно мы дойдем до минимального, элементарного кванта процесса.

Отсутствие строгой подразделимости, однако, не может служить единственным критерием демаркации состояний и процессов. Существуют ситуации, которые строго подразделимы, не будучи состояниями. Среди часто упоминаемых глаголов, описывающих ситуации этого типа, — глаголы неагентивного перемещения в пространстве и изменения свойства, как, например, *двигаться* и *краснеть* в русском языке. Эти глаголы характеризуются тем, что выделение минимальной части описываемой ситуации невозможно практически так же, как для состояний. Свойства строгой подразделимости в этом случае недостаточно: требуется сделать эксплицитным интуитивное ощущение, что при осуществлении процессов нечто меняется, а при осуществлении состояний нет.

Следуя идеям Б.Тэйлора,¹⁶ мы предлагаем придать понятию изменения следующий смысл: чтобы понять, меняется что-то или нет, недостаточно рассмотреть единственный момент времени. Если мы возьмем мгновенный временной срез движения, например, вырежем кадр из киноплёнки, на которой заснят бег, собственно движения мы не увидим — все предметы будут покоиться (именно это соображение

¹⁶ Taylor B. Tense and Continuity // Linguistics and philosophy. Vol. 1. №3, 1977.

лежит в основе парадокса, известного как «Стрела Зенона»). Чтобы оценить, имеются ли какие-либо изменения, требуется по меньшей мере сравнить положение вещей в два разных момента времени. Это в полной мере приложимо к гомогенным предикатам типа *двигаться*: оценить истинность высказывания типа *Машина двигалась по дороге* невозможно, если рассмотреть единственную точку на временной оси; об истинности предложений такого рода осмысленно говорить применительно к ненулевым временным интервалам. Этим предикаты типа *двигаться* отличаются от предикатов типа *находиться в Нью-Йорке*: последние образуют пропозиции, истинность которых может быть оценена и применительно к точечному моменту времени. Таким образом, перед нами основополагающий критерий разграничения состояний и процессов — истинность в точке. Состояния истинны в точке, а процессы нет.

Отдельная проблема в связи с состояниями и процессами — ролевые свойства тех и других. Большинство современных авторов соглашается, что процессы могут быть как агентивными (*Вася ковырлял в носу, Мальчик скакал по дорожке*), так и неагентивными (*Вода кипит, Мячик скакал по дорожке*). Допустимость агентивных партиципантов состояний, однако, — вопрос намного более запутанный. Неагентивность — это характеристика, логически независимая от характера протекания ситуации во времени, а значит от интервальных свойств предиката (в частности, от свойства (анти)подынтервала, истинности в точке и т.д.). Поэтому хотя типичные предикаты, которые относятся к состояниям по интервальным свойствам (*знать, любить, хотеть*), неагентивны, ничто не гарантирует, что это верно для всех таких предикатов.

Возьмем, например, глаголы положения типа *сидеть, стоять и лежать*, которые создают истинные в точке пропозиции (чтобы убедиться, что индивид лежит, не требуется оценивать ненулевой временной интервал). Если определяющим свойством агентивности считать контролируемость, то возникает впечатление, что все эти глаголы агентивны: ситуация, описываемая предложениями типа *Вася лежит*, как будто может быть прекращена по усмотрению ее участника. Эта особенность данного класса глаголов склоняет многих исследователей к тому, чтобы придать им особый статус в классификации предикатов.

В действительности, однако, контролируемость в таких предложениях лишь допускается, но не требуется. *Вася лежит* одинаково возможно и при таких сценариях, когда ситуацию можно прекратить волей ее участника, и в при таких, когда это невозможно (вообразим себе лежачего больного). Становится ясно, что во всех этих случаях контролируемость попросту семантически недоспецифицирована и определяется исключительно контекстом и общими знаниями.

Это существенно ослабляет аргумент против включения глаголов позиции в класс состояний, согласно которому в этом случае класс будет содержать предикаты с противоположными ролевыми свойствами — как неагентивные, так и агентивные/контролируемые. В действительности состояния могут быть неагентивными (*знать*) и неспецифицированными по агентивности (*лежать*), что, как представляется, серьезно меняет дело. Объектов с противоположными свойствами в классе состояний на самом деле нет, есть лишь неагентивные предикаты и предикаты, агентивность которых жестко не фиксирована.

Исходя из этого, мы рассматриваем истинность в точке как единственный критерий демаркации процессов и состояний и формулируем следующие правила приписывания значений СОСТОЯНИЕ и ПРОЦЕСС:

- (б) Акциональное значение СОСТОЯНИЕ приписывается объекту классификации, если он
 - а. обладает свойством кумулятивности и
 - б. обладает свойством истинности в точке.

- (7) Акциональное значение ПРОЦЕСС приписывается объекту классификации, если он
- a. обладает свойством кумулятивности и
 - b. не обладает свойством истинности в точке.

ПРОЦЕСС и СОСТОЯНИЕ объединяет кумулятивность, которая у глагольных предикатов принимает обличье неопределенности. Предикаты с такими акциональными значениями не предполагают, что участники ситуации претерпевают какие-либо качественные изменения, переходят в новое состояние или начинают участвовать в новом процессе.

Неопределенным предикатам противопоставлены предельные. Содержательно вторые отличаются от первых тем, что описываемая ситуация неминуемо завершается кульминацией, при которой с одним из участников происходят качественные изменения. Например, рано или поздно с необходимостью кульминирует ситуация 'таять' — в тот момент, когда вся масса тающей субстанции переходит в новое агрегатное состояние.

Предельные глагольные предикаты обладают свойствами, противоположными свойствам неопределенных предикатов, — некумулятивностью и квантованностью. В терминах темпоральной семантики их основную характеристику можно сформулировать как свойство антиподынтервала: предложение имеет это свойство в том и только в том случае, если всякий раз, когда оно истинно на интервале I, оно ложно на любом подынтервале I. Например, пусть в два часа Вася сел писать письмо, в три часа закончил его, и эта ситуация описывается предложением *Вася написал письмо*. Применительно к происходящему на любом интервале, вложенном в интервал [14.00, 15.00], данное высказывание ложно.

Подобно тому как неопределенные предикаты подразделяются на СОСТОЯНИЯ и ПРОЦЕССЫ, мы различаем два типа предельных предикатов — предикаты со значением ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и со значением ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. Например, выражения *полюбил* или *написал* и их аналоги в других языках описывают ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, а выражения *закипел* или *побежал* — ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. Таким образом, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ — это предельный аналог значения СОСТОЯНИЕ, а ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС — значения ПРОЦЕСС.

Правила приписывания значений ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС приводятся в (8)-(9):

- (8) Акциональное значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ приписывается объекту классификации, если он
- a. обладает свойством квантованности/антиподынтервала и
 - b. после достижения кульминации имеет место состояние.
- (9) Акциональное значение ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС приписывается объекту классификации, если он
- a. обладает свойством квантованности/антиподынтервала и
 - b. после достижения кульминации имеет место процесс.

Отдельное значение — МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС: ситуация многократно повторяется с одним и тем же набором участников, но занимает при этом один промежуток времени и рассматривается как единое целое.¹⁷ В русском языке МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС описывается, например, предложением *Вася покашлял*.

¹⁷ См. в первую очередь работы В.С. Храковского, в частности, Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский В.С. (ред.) Типология итеративных конструкций. Л., 1989.

Между обычными и мультипликативными процессами имеется очень важное эмпирическое различие. У глаголов, описывающих мультипликативные процессы, существуют формы, которые обозначают как сам процесс, так и его атомарный квант. «Обычные» процессы такой возможности не имеют. В языках типа русского это различие проявляется в виде ограничения на образование семельфактива — ср. *кашлять* — *кашлянуть* и *ходить* — **ходнуть*.

Отдельный вопрос — как ограничить мультипликативность от дистрибутивности и итеративности. Чтобы отделить мультипликативную интерпретацию от дистрибутивной, есть ясный критерий: идентичность участников, задействованных в каждой единичной атомарной подситуации. Если идентичность невозможна, перед нами не мультипликатив. Значительно сложнее провести черту между мультипликативами и итеративами. В качестве критерия, позволяющего развести собственно мультипликативную и итеративную интерпретации, мы предлагаем доступность в нулевом контексте. Акциональное значение МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС признается в том случае, если интерпретация, предполагающая множественность ситуаций, возникает в составе минимальной клаузы при отсутствии разнообразных обстоятельств (длительности, кратности и т. п.) и/или экстралингвистической информации, наводящей итеративность. Таким образом, правило приписывания этого акционального значения выглядит следующим образом:

- (10) Значение МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС приписывается объекту классификации K , если
- K кумулятивен и подразделим лишь до уровня атомарных частей,
 - существует морфологически связанный с K объект K' (в предельном случае $K = K'$), обозначающий эти атомарные части, и
 - множественность атомарных частей фиксируется нулевым контексте.

Таковы пять акциональных значений, на которые опирается предложенный нами метод акциональной классификации.

После того как множество акциональных критериев успешно сформировано, дальнейшие шаги зависят от того, с каким материалом нам предстоит работать. Два основополагающих случая — языки со словоизменительным видом и языки со словоклассифицирующим (деривационным) видом. В языках первого типа глагольные формы различаются с точки зрения видовых значений. Например, в английском языке формы типа Present Progressive выражают прогрессивное значение, формы Simple Past — перфективное и хабитуальное значения, перфектные формы — экспериенциальное и собственно перфектное значения, и так далее. В языках второго типа разные аспектуальные значения разнесены по разным глагольным лексемам. В русском языке, например, глаголы совершенного вида используются в перфективных и собственно перфектных контекстах, а глаголы несовершенного вида — в прогрессивных, хабитуальных и экспериенциальных. И хотя основная идея акциональной классификации остается неизменной в применении к языкам обоих типов, несколько частных технических приемов различаются.

В **главе 7** вырабатывается метод описания акциональности в языках со словоизменительным видом. Основываясь на результатах первой части исследования, мы приходим к выводу, что акциональный класс не может быть приписан лексеме непосредственно. Это обусловлено тем, что в общем случае видовременные словоформы глагола имеют разные акциональные свойства. В (11) показан пример из багвалинского языка:

- (11) a. <ali-la helali pat'imat. Али-DAT любить.PST Патимат
 1. Али полюбил Патимат.
 2. *Али любил Патимат.
- b. <ali-la hel-a:-X ek@ pat'imat. Али-DAT любить-IPFV-CONV AUX.PRS Патимат
 Али любит Патимат.

В (11a) глагол *helali* ‘полюбить, любить’ в форме Претерита описывает изменение состояния (‘не любить’ → ‘любить’) и, следовательно, должен получить значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ. Стативной интерпретации в (11a.2) эта форма не допускает. В то же время Презенс *helāX ek@* ‘любить’ в (11b) описывает именно СОСТОЯНИЕ.

Это подводит нас к идее выстроить акциональную классификацию на основе поверхностного акционального поведения глагольных словоформ. В случае с глаголом *helali* ‘любить’ релевантная акциональная информация — это в точности информация о том, что одна из форм имеет акциональное значение СОСТОЯНИЕ, а другая — значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ. Это означает, что используемые при классификации акциональные критерии должны содержать эксплицитное указание на то, к каким грамматическим формам глагола они применяются. При таком подходе критерии типа “Предикату приписывается акциональное значение СОСТОЯНИЕ” недопустимы; вместо этого используются критерии вида “Имперфективной форме предиката приписывается акциональное значение СОСТОЯНИЕ”. Акциональная характеристика глагола *helali* ‘любить’ в этом случае — совокупность акциональных значений его грамматических форм:

- (12) Акциональная характеристика глагола *helali* ‘любить’:
 <Претерит: {ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}; Презенс: {СОСТОЯНИЕ}; ...>

В (12) акциональная характеристика (записана в угловых скобках) представляет собой множество пар вида {форма: акциональное значение}. Количество пар в этом множестве равно, естественно, количеству глагольных форм в исследуемом языке.

Далее мы рассматриваем вопрос, какие в точности видовременные формы следует задействовать в акциональной классификации, и эмпирически обосновываем следующий ответ: для классификации нужна одна перфективная и одна имперфективная форма. Материал имеющихся в нашем распоряжении языков показывает, что акциональные характеристики прочих форм либо совпадают с характеристиками одной из этих двух, либо предсказуемо выводятся из них. Кроме того, акциональные свойства следует выявлять для эпизодических, а не хабитуальных употреблений. Формы должны представлять собой манифестации межъязыковых категориальных типов: соблюдение этого ограничения позволяет обеспечить межъязыковую сопоставимость. Акциональная характеристика приобретает вид (13a), или, более кратко, — (13b).

- (13) Акциональная характеристика глагола *helali* ‘любить’
 a. <PFV: {ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}; IPFV: {СОСТОЯНИЕ}>
 b. <ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ; СОСТОЯНИЕ>

После того как акциональная характеристика каждого глагола в исследуемом языке установлена, можно сделать следующий шаг на частно-языковом уровне — объединить глаголы с одинаковой акциональной характеристикой в **акциональные классы**. Таким образом, акциональные классы выделяются независимо от того, как мы анализируем лексическое значение глагола и какое сопоставляем ему семантическое представление, а также независимо от того, что мы думаем о семантике каждой из

обнаруженных в языке глагольных грамматических форм. Выделив акциональные классы с помощью описанной выше процедуры, мы получаем возможность двигаться дальше — развивать обобщения и выстраивать гипотезы, объясняющие, что общего у глаголов, попавших в один и тот же класс, и чем они отличаются от глаголов другого класса. Кроме того, — и это самое главное — становится возможным сопоставление материала разных языков. В первом приближении предлагаемая нами процедура выглядит так, как показано в (14):

- (14) Акциональная характеристика глагола — это пара множеств вида $\langle \{x \mid x \text{ — акциональное значение форм с перфективной интерпретацией} \}; \{y \mid y \text{ — акциональное значение форм с имперфективной интерпретацией} \} \rangle$. И те и другие формы принимаются к рассмотрению в эпизодических употреблениях, если таковые есть. Акциональный класс представляет собой множество глаголов с одинаковой акциональной характеристикой.

Следующий шаг — распространение процедуры (14) на случаи, когда одна и та же видовременная форма имеет более одной акциональной интерпретации, а выбор интерпретации дополнительно обусловлен специальными факторами. Важнейший и самый изученный фактор такого рода — это акциональная композиция, когда предельность глагольного предиката зависит от кумулятивности/квантованности его аргументов. Обсудив основные явления в сфере акциональной композиции, мы предлагаем использовать для классификации глагольные формы в комбинации с квантованными инкрементальными актантами (например, исчисляемыми ИГ в единственном числе), но без инкрементальных адьюнктов. Обобщения, описывающие поведение глагола в комбинации с кумулятивными актантами, остаются за рамками классификации — внутри теории акциональной композиции. Похожие проблемы возникают и в различных случаях стативно-процессной неоднозначности, когда одна и та же глагольная форма в зависимости от выбора актанта обозначает либо состояние, либо процесс, либо и то и другое. В этой случае существенны не референциальные свойства актанта, такие как кумулятивность и квантованность, а агентивность. Для глаголов этого типа мы предложили решение в том же духе, что и для акциональной композиции: актанта должен иметь фиксированные семантические характеристики. Проводя классификацию, мы выявляем акциональность глагола в комбинации с актантами, имеющими максимально возможный ранг в иерархии одушевленности. Таким образом, в окончательном виде процедура акциональной классификации для языков со словоизменительным видом выглядит так:

- (15) Акциональная характеристика глагола представляет собой пару множеств вида $\langle \{x \mid x \text{ — акциональное значение форм с перфективной интерпретацией} \}; \{y \mid y \text{ — акциональное значение форм с имперфективной интерпретацией} \} \rangle$. И те и другие формы принимаются к рассмотрению
- (i) в эпизодических употреблениях
 - (ii) в составе предикаций с полным набором синтаксических актантами, но в отсутствие каких-либо адьюнктов.
 - (iii) Актанты представлены именными группами в единственном числе,
 - (iv) занимающими максимально возможный для данного глагола ранг в иерархии одушевленности.
- Акциональный класс представляет собой множество глаголов с одинаковой акциональной характеристикой.

Задав правила приписывания акциональных значений и сделав классификационную процедуру в достаточной степени эксплицитной, мы имеем возможность проанализировать результаты ее применения.

В главе 8 предлагается исследование акциональности в трех языках — багвалинском, карачаево-балкарском и марийском. Акциональные классы, в соответствии с (15), представляют собой пару множеств акциональных значений основных форм с перфективной и имперфективной аспектуальными интерпретациями. В каждом языке акциональные значения приписываются двум основным аспектуальным формам, Претериту/Перфекту и Презенсу. В порядке сокращения вместо полных названий акциональных значений мы используем аббревиатуры в (16):

(16)	СОСТОЯНИЕ	S	state
	ПРОЦЕСС	P	process
	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ	ES	entry into a state
	ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС	EP	entry into a process
	МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	MP	multiplicative process

Акциональные значения одной и той же формы записываются через пробел, акциональные значения разных форм разделяются запятой. Например, акциональное значение глагола *helali* из (13) приобретает вид <ES, S>.

В (17) представлен полный список акциональных классов, которые в исследуемых языках обнаружены более чем у одного глагола:

(17)	Акциональные классы	
	Сильный предельный	<ES, P>
	Слабый предельный	<ES P, P>
	Пунктивный	<ES, —>
	Непредельный	<P, P>
	Слабый ингрессивно-непредельный	<EP P, P>
	Сильный ингрессивно-непредельный	<EP, P>
	Расширенный ингрессивно-непредельный	<EP P, P ₁ P ₂ >
	Двупредельный	<EP ES P, P>
	Стативный	<S, S>
	Слабый инцептивно-стативный	<ES S, S>
	Сильный инцептивно-стативный	<ES, S>
	Сильный предельно-стативный	<ES S, P>
	Слабый предельно-стативный	<ES P S, P>
	Сильный стативно-процессный	<ES S, P S>
	Слабый стативно-процессный	<ES P S, P S>
	Собственно мультипликативный	<ES MP, MP>
	Мультипликативно-процессный	<ES P MP, P MP>

В таблицах 1-3 показаны акциональные системы трех исследованных языков. Благодаря таблицам 1-3 можно заметить, что не все акциональные классы представлены во всех языках. Некоторые, однако, повторяются, и именно они — основные претенденты на статус **межъязыкового акционального типа**.

(18) Межъязыковой акциональный тип — это типологически стабильный кластер свойств, задаваемый универсальными акциональными критериями.

В соответствии с (18), межъязыковые акциональные типы — это акциональные классы, которые регулярно обнаруживаются в независимых языках. Данные багвалинского, карачаево-балкарского и марийского языков позволяют произвести

предварительный отбор кандидатов на включение в список межъязыковых акциональных типов, представленный в (19).

Таблица 1. Акциональные классы карачаево-балкарского языка

Название класса	Акциональная характеристика	Представитель класса	Межъязыковой категориальный тип / частноязыковая манифестация			
			<PFV / Претерит		IPFV / Презенс	
			Акц. характеристика	Значение	Акц. характеристика	Значение
Сильный предельный	<ES, P >	<i>syn</i> 'ломаться'	ES	'сломался'	P	'ломается'
Слабый предельный	<ES P, P>	<i>ac</i> 'открывать'	ES P	'открыл' 'пооткрывал'	P	'открывает'
Пунктивный	<ES, —>	<i>tap</i> 'находить'	ES	'нашел'	—	
Непредельный	<P, P>	<i>qyja</i> 'мучить'	P	'помучил'	P	'мучает'
Слабый ингрессивно-непредельный	<EP P, P>	<i>kul</i> 'смеяться'	EP P	'засмеялся' 'посмеялся'	P	'смеется'
Слабый инцептивно-стативный	<ES S, S>	<i>slj</i> 'хотеть'	ES S	'захотел' 'хотел'	S	'хочет'
Стативный	<S, S>	<i>zaša</i> 'жить'	S	'пожил'	S	'живет'
Двупредельный	<EP ES P, P>	<i>zan</i> 'гореть'	EP ES P	'загорелся' 'сгорел' 'горел'	P	'горит'
Сильный предельно-стативный	<ES S, P>	<i>ary</i> 'уставать'	ES S	'устал' 'был уставшим'	P	'устаёт'
Слабый предельно-стативный	<ES P S, P>	<i>bat</i> 'тонуть'	ES P S	'утонул' 'тонул' 'был утонувшим'	P S	'тонет' 'находится под водой'
Слабый стативно-процессный	<ES P S, P S >	<i>oltur</i> 'сидеть, садиться'	ES P S	'сел' 'поусаживался' 'посидел'	P S	'сидится' 'сидит'
Мультипликативный	<ES MP, MP >	<i>aR</i> 'капать'	ES MP	'капнул' 'покапал'	MP	'капает'
Мультипликативно-процессный	<ES P MP, P MP >	<i>qap</i> 'кусать'	ES P MP	'куснул' 'наносил укусы' 'наносил укусы'	P MP	'наносит укусы' 'наносит укусы'

Таблица 2. Акциональные классы багвалинского языка

Название класса	Акциональная характеристика	Представитель класса	Межъязыковой категориальный тип / частноязыковая манифестация			
			<PFV / Претерит		IPFV / Презенс	
			Акц. характеристика	Значение	Акц. характеристика	Значение
Сильный предельный	<ES, P >	<i>b-i'a</i> 'умирать'	ES	'умер'	P	'умирает'
Слабый предельный	<ES P, P>	<i>b-eLi</i> 'пахать'	ES P	'вспахал' 'попахал'	P	'пахает'
Пунктивный	<ES, —>	<i>b-isA</i> 'находить'	ES	'нашел'	—	
Непредельный	<P, P>	<i>c'aXXI</i> 'искать'	P	'поискал'	P	'ищет'
Слабый ингрессивно-непредельный	<EP P, P>	<i>qari</i> 'плакать'	EP P	'заплакал' 'поплакал'	P	'плачет'
Расширенный ингрессивно-непредельный	<EP P, P ₁ P ₂ >	<i>hllli</i> 'кипеть'	EP P	'закипел' 'покипел'	P ₁ P ₂	'закипает' 'кипит'
Слабый инцептивно-стативный	<ES S, S>	<i>b-iVi</i> 'радоваться'	ES S	'обрадовался' 'радовался'	S	'радуется'
Сильный инцептивно-стативный	<ES S, S>	<i>b-ija</i> 'знать'	ES	'узнал'	S	'знает'
Сильный стативно-процессный	<ES S, P S >	<i>b-iRi</i> 'останавливаться'	ES S	'остановился' 'постоял'	P S	'останавливается' 'стоит'
Мультипликативный	<ES MP, MP >	<i>oHori</i> 'кашлять'	ES MP	'кашлянул' 'покашлял'	MP	'кашляет'

Таблица 3. Акциональные классы марийского языка

Название класса	Акциональная характеристика	Представитель класса	Межъязыковой категориальный тип / частноязыковая манифестация			
			<PFV / Претерит		IPFV / Презенс	
			Акц. характеристика	Значение	Акц. характеристика	Значение
Сильный предельный	<ES, P>	<i>vozaš</i> 'ложиться'	ES	'лег'	P	'ложится'
Слабый предельный	<ES P, P>	<i>kuralaš</i> 'пахать'	ES P	'вспахал' 'попахал'	P	'пашет'
Пунктивный	<ES, —>	<i>pižedolaš</i> 'прилипать'	ES	'прилип'	—	
Непредельный	<P, P>	<i>ozgaš</i> 'жужжать'	P	'пожужжал'	P	'жужжит'
Слабый ингрессивно-непредельный	<EP P, P>	<i>liḡoštaš</i> 'чесаться'	EP P	'зачесался' 'почесался'	P	'чесется'
Расширенный ингрессивно-непредельный	<EP P, P ₁ P ₂ >	<i>šolaš</i> 'кипеть'	EP P	'закипел' 'покипел'	P ₁ P ₂	'закипает' 'кипит'
Слабый инцептивно-стативный	<ES S, S>	<i>užaš</i> 'видеть'	ES S	'увидел' 'видел'	S	'видит'
Стативный	<S, S>	<i>kjaš</i> 'лежать'	S	'полежал'	S	'лежит'
Сильный стативно-процессный	<ES S, P S>	<i>kəlmaš</i> 'замерзать'	ES S	'замерз' 'мерз'	P S	'замерзает' 'мерзнет'
Сильный предельно-стативный	<ES S, P>	<i>jōraš</i> 'гаснуть'	ES S	'погас' 'был погасшим'	P	'гаснет'
Мультипликативный	<ES MP, MP>	<i>tikaš</i> 'касаться'	ES MP	'коснулся' 'касался'	MP	'касается'
Мультипликативно-процессный	<ES P MP, P MP>	<i>šiiškaltaš</i> 'свистеть'	ES P MP	'свистнул' '(по)издавал свист' '(по)издавал свистки'	P MP	'издает свист' 'издает свистки'

(19) **Межъязыковые акциональные типы:**

сильный предельный	<ES, P>
слабый предельный	<ES P, P>
пунктивный	<ES, —>
непредельный	<P, P>
слабый инцептивно-стативный	<ES S, S>
слабый ингрессивно-непредельный	<EP P, P>
мультипликативный	<ES MP, MP>

Для удобства изложения акциональные классы объединяются в макроклассы, список которых дан в (20):

(20) **Акциональные макроклассы:**

- предельные глаголы (сильный предельный, слабый предельный, пунктивный классы);
- глаголы процесса (непредельный и ингрессивно-непредельные классы);
- глаголы состояния (стативный и инцептивно-стативные классы);
- процессно-результативные глаголы (предельно-стативные и стативно-процессные классы);
- мультипликативные глаголы (собственно мультипликативный и мультипликативно-процессный классы).

Охарактеризуем каждый из этих макроклассов. Общей для всех **предельных глаголов** является интерпретация ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ (ES) у перфективных форм. Эти глаголы, далее, распадаются на три неравновеликих класса — <ES, P>, <ES P, P> и <ES, —>. Первые являются предельными в строгом смысле, или **сильными**

предельными: их перфективная форма описывает достижение кульминации, в которой совершается переход одного из актантов в новое состояние, а имперфективные — процесс на пути к кульминации. Таков, например, глагол *су* ‘выходить’ в карачаево-балкарском языке (PFV: ‘вышел’, IPFV: ‘выходит’). Вторые, или **слабые предельные**, отличаются от первых наличием дополнительной интерпретации у перфективных форм, когда они описывают процесс, завершающийся до кульминации. Во всех трех языках к этому классу относятся, например, глаголы с инкрементальной темой, такие, как ‘писать’ или ‘пахать’ (PFV: ‘написал’, ‘пописал’, IPFV: ‘пишет’). У **пунктивных** глаголов класса <ES; —>, как и у сильных предельных, перфективная форма описывает достижение кульминации, однако имперфективная не имеет эпизодической интерпретации. Это глаголы типа ‘находить’ во всех трех языках (PFV: ‘нашел’, IPFV: —).

Если для предельных глаголов обязательным является акциональное значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ (ES) у перфективных форм, то для **глаголов процесса** обязательно его отсутствие. Такие глаголы описывают процессы, которые не кульминируют — соответственно, как у имперфективных, так и у перфективных форм представлено акциональное значение ПРОЦЕСС (P). Глаголы процесса далее распадаются на группы, наиболее важные из которых — **непредельные глаголы и ингрессивно-непредельные глаголы**. Первые, например, багвалинский *с’аXXI* ‘искать’ (PFV: ‘(по)искал’, IPFV: ‘ищет’), имеют акциональную характеристику <P, P>: обе формы вводят в рассмотрение процесс. Вторые, например, марийский *korgəktaš* ‘храпеть’ (PFV: ‘захрапел, (по)храпел’, IPFV: ‘храпит’), имеют характеристику <EP P, P>. Их перфективные формы неоднозначны: кроме интерпретации ПРОЦЕСС (P), они имеют также интерпретацию ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС (EP), то есть вводят в рассмотрение точку кульминации, после которой процесс начинает иметь место. Кроме того, в марийском и багвалинском языках засвидетельствованы глаголы **расширенного ингрессивно-непредельного** класса, имеющие акциональную характеристику <EP P, P₁ P₂>. Особенность таких глаголов, например, багвалинского *hwalli* ‘кипеть’, отличающая их от глаголов собственно ингрессивно-непредельного класса, — дополнительная интерпретация имперфективных форм, которые описывают и процесс, ведущий к кульминации (‘закипает’), и процесс, возникающий после нее (‘кипит’).

Немногочисленный, но типологически интересный класс, который, насколько нам известно, до сих пор практически не упоминался в литературе, — класс **двупредельных глаголов** <EP ES P, P>, которые вводят в рассмотрение две точки кульминации — в первой возникает новый процесс, а во второй этот процесс кульминирует. Например, перфективные формы карачаево-балкарского глагола *zan* ‘гореть’ имеют и значение ‘загореться’ и значение ‘сгореть’.

Макрокласс **глаголов состояния** напоминает ингрессивно-непредельный макрокласс с точки зрения семантических отношений между его членами. В нем есть класс **стативных глаголов**, у которых акциональное значение перфективной и имперфективной форм совпадает (характеристика <S, S>, ср. непредельные глаголы <P, P>), класс **слабых инцептивно-стативных глаголов**, которые обозначают также вхождение в состояние (характеристика <ES S, S>, ср. слабые ингрессивно-непредельные глаголы <EP P, P>), а также класс **сильных инцептивно-стативных глаголов**, у которых инцептивная и стативная интерпретации распределены между перфективными и имперфективными формами (характеристика <ES, S>). Представителями этих трех классов являются соответственно карачаево-балкарский *zaša* ‘жить’ (PFV: ‘по(жил)’, IPFV: ‘живет’), марийский *išanaš* ‘верить’ (PFV: ‘поверил’, ‘верил’, IPFV: ‘верит’) и багвалинский *b-uhA* ‘понимать’ (PFV: ‘понял’, IPFV: *b-uhA* ‘понимает’).

Внушительную долю в каждом из трех языков составляют **процессно-результативные глаголы**, которые описывают процесс, состояние, а также точку кульминации, которая их разделяет. Эти глаголы распадаются на четыре класса — **сильные предельно-стативные** (характеристика <ES S, P>), **слабые предельно-стативные** (характеристика <ES P S, P>), **сильные стативно-процессные** (<ES S; P S>) и **слабые стативно-процессные** (<ES P S; P S>). Различия между этими классами связаны, во-первых, с тем, есть ли интерпретация ПРОЦЕСС (P) у перфективных форм, и во-вторых, с тем, есть ли интерпретация СОСТОЯНИЕ (S) у имперфективных. Отличительное свойство всех таких глаголов — значительная акциональная неоднозначность. Меньше всего значений у сильных предельно-стативных глаголов, например, карачаево-балкарского *ayu* ‘уставать’ (PFV: ‘устал’, ‘(по)был усталым’, IPFV: ‘устаёт’). На одно процессное значение больше у слабых предельно-стативных, примером которых является карачаево-балкарский *bat* ‘тонуть’: (PFV: ‘утонул’, ‘тонул’, ‘(по)был утонувшим’, IPFV: ‘тонет’). Особенность стативно-процессных глаголов — неоднозначность имперфективных форм: они могут описывать и процесс, ведущий к кульминации, и возникающее после нее состояние. Перфективные формы таких глаголов идентичны предельно-стативным. Примером сильного стативно-процессного глагола является багвалинский *b-iri* ‘останавливаться’ (PFV: ‘остановился’, ‘постоял’, IPFV: ‘останавливается’, ‘стоит’), слабого предельно-стативного — карачаево-балкарский *oltur* ‘сидеть, садиться’ (PFV: ‘сел’, ‘посидел’, ‘поусаживался’, IPFV: ‘садится’, ‘сидит’).

Мультипликативные глаголы характеризуются значением МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС. В зависимости от того, какие еще значения представлены в акциональной характеристике, эти глаголы распадаются на **собственно мультипликативный** и **мультипликативно-процессный классы**. Более многочисленный класс **собственно мультипликативных глаголов** имеет акциональную характеристику <ES MP; MP> с неоднозначными перфективными и однозначными имперфективными формами. В перфективных формах мультипликативные глаголы описывают либо мультипликативный процесс, ограниченный во времени, либо единичный квант этого процесса, единичное вхождение в состояние, имперфективные — только мультипликативный процесс. **Мультипликативно-процессный класс** <ES P MP; P MP> содержит глаголы, которые допускают не только мультипликативную, но и процессную интерпретацию.

Охарактеризуем системы акциональных классов, выделенные в исследованных языках, несколько подробнее. Классы, которые мы видим в (17) и в таблицах 1-3, отличаются значительно большим разнообразием, чем четырехчленная система З. Вендлера и ее позднейшие варианты, предлагаемые другими семантистами. Все четыре вендлеровских класса представлены и в нашей системе: они имеют вид стативных, неопредельных, сильных предельных и пунктивных глаголов. Соответствия показаны в Таблице 4.

Таблица 4. Вендлеровские классы и их соответствия

Система З.Вендлера	Предлагаемая классификация	
	Название	Акциональная характеристика
Состояния	Стативные глаголы	<S, S>
Деятельности	Неопредельные глаголы	<P, P>
Свершения	Сильные предельные глаголы	<ES, P>
Достижения	Пунктивные глаголы	<ES, —>

Наиболее существенные новшества, которые внес в акциональную классификацию наш метод, — это появление ингрессивно-непредельного и инцептивно-стативного классов, а также последовательное различение сильной и слабой предельности. Важнейший результат эмпирического исследования акциональности, таким образом, — вывод о том, что свести все множество естественно-языковых предикатов к состояниям, деятельности, свершениям и достижениям невозможно. А главное преимущество предложенной нами системы состоит в том, что она дает разбиение глаголов на классы без каких-либо первоначальных допущений о структуре лексического значения глагола и о его взаимодействии с другими типами акциональной информации. Таким образом, использованный подход позволяет решить проблему непрямого доступа в общем виде, внутренне непротиворечиво и систематически.

Чтобы увидеть внутреннюю логику системы акциональных классов, представим неупорядоченный список из (17) в иерархизованном виде (для упрощения мы не отображаем на схеме мультипликативные глаголы, образующие отдельное измерение в акциональной системе):

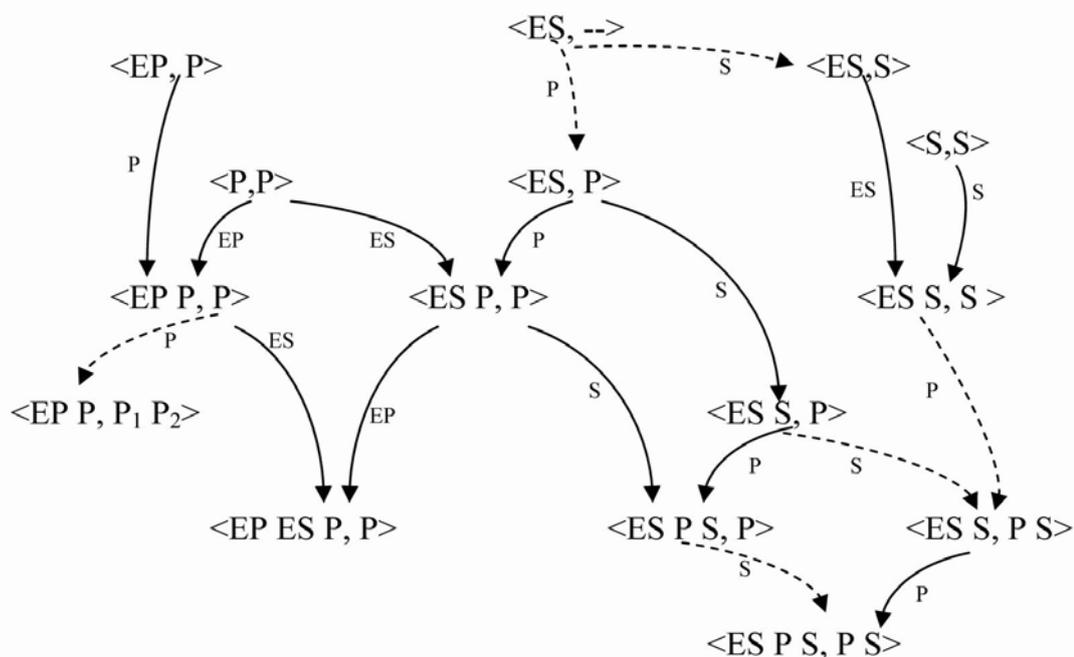

Схема 6. Система акциональных классов

На схеме 6 акциональные классы показаны в виде ориентированного графа. Стрелки обозначают отношение «иметь ровно на одно акциональное значение больше». Стрелки, проведенные сплошной линией, связывают два акциональных класса, которые различаются составом интерпретаций перфективных форм, проведенные пунктиром — классы, у которых различаются имперфективные формы. Рядом со стрелкой отмечено то акциональное значение, на которое различаются классы.

Способ изображения, использованный в схеме 6, делает наглядным важное обобщение: система акциональных классов, которые удалось выделить в ходе исследования, достаточно полна в том смысле, что в пространстве логических возможностей не остается систематически не реализованных лакун. Система классов четко соотносится с набором логических возможностей, которые создаются произвольными (но при этом содержательно осмысленными) комбинациями

акциональных значений. Практически не встречаются ситуации, когда мы ожидаем обнаружить некоторый класс, но в действительности его не обнаруживаем.

Понятие минимально отличных (ровно на одно значение) акциональных классов, — таких, которые на схеме 6 связаны стрелками, — полезно и еще в одном отношении. Оно задает меру сходства разных глаголов. Классы, связанные стрелками непосредственно, должны содержать глаголы с близкой структурой значения. Глаголы, принадлежащие классам, которые разделяет большее количество стрелок, должны различаться более значительно — тем значительно, чем длиннее путь от одного класса к другому. По всей видимости, это ожидание подтверждается, причем сразу многими способами. Во-первых, если акциональность глагола колеблется в зависимости от свойств актантов, то это всегда колебания между минимально отличными акциональными характеристиками — теми, которые связаны стрелками. Во-вторых, отношение минимальности между классами на схеме 6 дает о себе знать и в межъязыковом лексическом варьировании. Глаголы со сходным лексическим значением в разных языках могут относиться к разным акциональным классам. Однако варьирование не произвольно: мы не сталкиваемся со случаями, когда разноязыковые лексические эквиваленты разнесены по разным концам схемы. Сходные лексические значения разных языков проецируются в компактную акциональную область на схеме 6, и если варьирование имеет место, оно стремится быть минимальным. Предложенный нами метод классификации, позволяющий сделать это обобщение явным и предсказуемым, получает серьезное эмпирическое подкрепление.

Схема 6 дает возможность сформулировать и определенные предположения о том, какая часть акциональных классов может претендовать на статус межъязыковых акциональных типов, то есть быть универсальной или близкой к универсальной. Схема частично упорядочивает акциональные классы по степени их неоднозначности и внутренней «сложности». В верхней ее части находятся классы, в которых обе глагольные формы однозначны, в нижней — такие, у которых каждая форма имеет два или даже три значения.

Рассуждая в функциональных терминах, можно предположить, что чаще других мы будем находить в разных языках такие классы, которые наилучшим образом приводят к компромиссу две противоречивые потребности — потребность говорящего в экономии усилий при порождении речи и аналогичную потребность слушающего при ее восприятии и анализе. Интересы говорящего благоволят многозначности: разные значения можно передать с помощью одной и той же формы. В интересах слушающего однозначность: процедура извлечения информации из речевого кода в этом случае максимально упрощается. Применительно к нашему случаю мы можем ожидать, что «компромиссные» классы расположены в центральной части схемы, где акциональная неоднозначность возможна, но в ограниченных пределах.

Ожидание подтверждается. Классы, засвидетельствованные во всех обследованных нами языках, — кандидаты на статус межъязыковых акциональных типов, перечисленные в (19), — занимают компактную область, которая на схеме 7 обведена.

Еще одно ожидание состоит в том, что состав акциональных классов в конкретном языке должен соответствовать когерентной области на схеме: если в языке есть классы X и Z и из X в Z можно попасть, двигаясь по стрелкам на схеме, то должны быть и все акциональные классы Y, Y', \dots , расположенные между X и Z . В этом отношении схемы 6-7 устроены так же, как семантические карты.

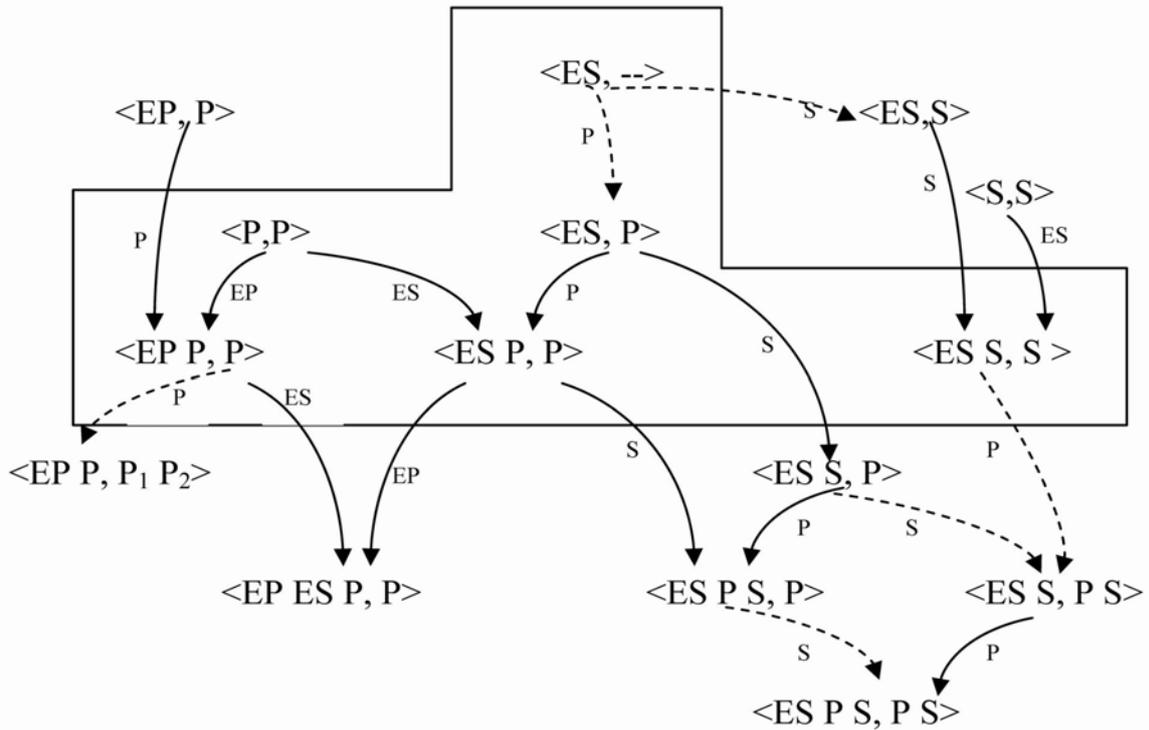

Схема 7. Межъязыковые акциональные типы

Как и у семантических карт, структура акциональных классов на схемах 6-7 отражает семантическую близость. Акциональные классы, связанные одной стрелкой, ближе, чем классы, которые разделяет путь в две и более стрелок. Соответственно, для схем 6-7 выполняются и все требования, которые в функционально-типологических исследованиях принято предъявлять к семантическим картам, в первую очередь требование смежности.

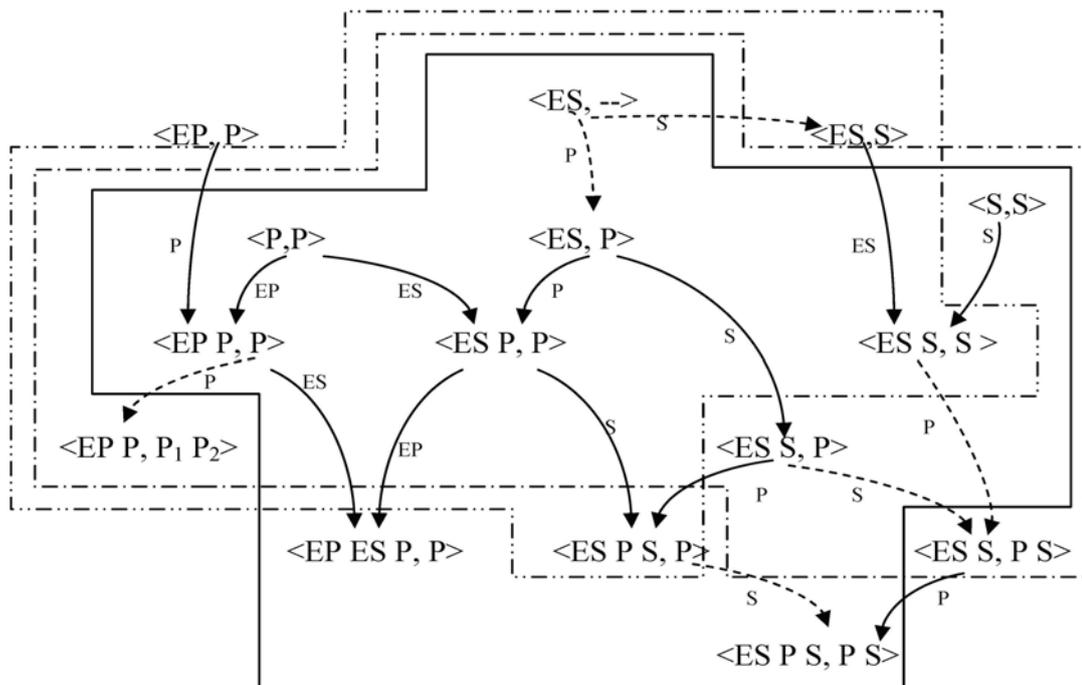

Схема 8. Система акциональных классов в карачаево-балкарском, багвалинском и марийском языках

Требование смежности действительно соблюдается. На схеме 8 показан состав акциональных классов в карачаево-балкарском (сплошная линия), багвалинском (штрих-пунктир) и марийском языках (двойной штрих-пунктир).

Схема 8 позволяет отчетливо увидеть как сходство между языками, так и межъязыковое варьирование. Она подтверждает и наиболее важное в контексте нашего исследования обобщение: в каждом языке система классов образует, как и ожидается, когерентное целое. В системе акциональных классов выявляется устойчивое ядро, которое систематически воспроизводится в конкретно-языковых системах, и периферия, где наблюдается варьирование. Классы, образующие ядро, имеют статус межъязыковых акциональных типов. Периферийные классы отвечают за языковое своеобразие.

В главе 9 показывается, как распространить методы и приемы предлагаемой классификации на языки с деривационным видом.

В языках типа багвалинского или карачаево-балкарского, а также английского, французского и других языков средневропейского стандарта глагольная основа реализует свой аспектуальный потенциал внутри лексемы. Иначе обстоит дело в русском и аналогичных языках. Исследователь, который принимает деривационную трактовку русского вида, обнаруживает, что в парадигме русской глагольной лексемы выражается исключительно семантическое противопоставление по временной референции (если не брать в расчет род, лицо и число). Вид оказывается выброшен в сферу межлексемных отношений, и видовое противопоставление — лишь одно из частных семантических отношений между разными дериватами от одной основы.

Из этого следует, что никакая акциональная классификация, характеризующая глагольные лексемы языка типа английского (например, классификация З. Вендлера), неприменима непосредственно к лексическим единицам русского языка — просто потому, что в этих языках лексические единицы имеют различный “аспектуальный вес”. Тот набор значений, который в английском языке реализуется словоформами, например, глагола *write*, в русском языке выражается словоформами более чем одной лексемы — *писать* и *написать*. *Написать* имеет ровно половину акциональных возможностей *write*, а вторую половину берет на себя *писать*. По сравнению с английскими лексемами русские лексемы **акционально неполны**.

Из этой ситуации напрашивается очевидный выход: в русском языке следует принять к рассмотрению не изолированный глагол совершенного либо несовершенного вида, а пару деривационно связанных глаголов. Одному глаголу в английском языке соответствует пара глаголов в русском языке, а значит только пара глаголов может получить полную акциональную характеристику. К этому же выводу, хотя и другим путем — сравнивая классификации З. Вендлера и Ю.С. Маслова — приходит и Е.В. Падучева.¹⁸ Первое приближение к желаемому анализу представлено в (21):

- (21) а. *write*: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>
б. *написать/писать*: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, {ПРОЦЕСС}>

Главное и очевидное преимущество такого анализа: сходство между глаголом *write* в английском языке и парой *писать/написать* в русском оказалось эксплицитным, как и то, что набор акциональных возможностей, присущий одной английской лексеме, в русском реализуется двумя. Благодаря (21) мы получаем возможность видеть, что основы *write* и *писа-* производят сопоставимые аспектуальные

¹⁸ Падучева Е.В. Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову — Вендлеру // Вопросы языкознания №6, 2009. С. 6-20.

словоформы с одинаковым акциональными свойствами, пусть даже в русском языке эти словоформы распределены по разным лексемам. Таким образом, анализ акциональности в языке с деривационным видом начинается с выделения пар глаголов, где элементы пар относятся к разным видам и при этом образуют “единое акциональное целое”, как *писать/написать* в (21). Главная проблема состоит в том, чтобы выяснить, какие пары произвольно взятых деривационно связанных глаголов образуют единое акциональное целое, а какие нет.

Мы рассматриваем и отвергаем напрашивающуюся возможность — провести акциональную классификацию на множестве **видовых пар**. Классификация такого рода создает неустрашимые эмпирические проблемы, а ее результат сразу по многим параметрам делает русский язык необъяснимым исключением в ряду других. Мы показываем, что для построения акциональной классификации следует использовать **акциональные пары**, определение которых дается в (22):

- (22) Акциональной парой является пара деривационно связанных разновидовых глаголов таких, что если перфективный член пары рассматривается в собственно перфективном (конкретно-фактическом) значении, а имперфективный — в прогрессивном (актуально-длительном), то семантическое различие между ними, если оно есть, исчерпывается одним из межъязыковых акциональных значений.

В соответствии с определением (22), первым необходимым условием членства глаголов в акциональной паре является их различная видовая принадлежность. Кроме того, определение требует, чтобы мы рассматривали глагол СВ в собственно перфективном, или конкретно-фактическом значении, а глагол НСВ — в прогрессивном, или актуально-длительном значении. Это требование вытекает из общего ограничения на отбор материала для акциональной классификации. Для исследования языков со словоизменительным видом мы привлекаем глагол в комбинации с двумя грамматическими показателями — перфективным и имперфективным/прогрессивным, и это же ограничение должно соблюдаться и при работе с такими языками, как русский. Далее, члены акциональной пары могут (хотя и не обязаны) различаться одним из универсальных акциональных значений — СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС. Наконец, определение (22) требует, чтобы больше никаких семантических различий между глаголами не было.

Например, глаголы *читать* и *прочитать* подходят под это определение, поскольку различаются, помимо собственно видовых значений, и акционально — первому приписывается ярлык ПРОЦЕСС, а второму ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ. Подходят под определение и пары вида *неть/занеть* — глагол НСВ имеет значение ПРОЦЕСС, а глагол СВ — ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. Определение, далее, не исключает возможности того, чтобы глаголы отличались привативно — у одного элемента пары присутствовало бы в эпизодической интерпретации какое-то акциональное значение, а у другого не было бы никакого. Поэтому акциональной парой являются также *найти/находить*: первый, перфективный, элемент имеет акциональное значение {ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}, второй, имперфективный — значение {—} (глагол *находить*, как известно, актуально-длительной интерпретации не допускает). Кроме того, определение не требует, чтобы члены пары непременно различались акционально, а значит, допускает пары вида *спать/поспать* и *писать/пописать*, у которых оба элемента характеризуются значением ПРОЦЕСС. Не являются акциональной парой глаголы вида *писать/дописать* и *писать/переписать*, не говоря

уже о *писать* и *надписать*: для них явным образом не выполняется требование, чтобы семантические различия исчерпывались видом и/или акциональностью. Невозможно считать акциональными и большинство пар глаголов, различающихся, помимо вида, способом действия, например, *бросать (камни)* vs. *набросать (камней)*. Наконец, поскольку один из компонентов семантики предиката — это его актантная структура, определение (22) автоматически исключает существование таких акциональных пар, элементы которых различаются составом аргументов. Не попадают в множество акциональных пар такие глаголы как *работать* и *заработать (много денег)*, *гулять* и *прогулять (урок)*, *махнуть* и *смахнуть (бумаги со стола)*, у которых перфективный префиксальный вариант, в отличие от имперфективного, является переходным.

Выделенные акциональные пары отчасти совпадают с видовыми. В частности, *вспахать* и *вспахивать* являются видовой и акциональной парой. Большинство акциональных пар, например, *вспахать* и *пахать*, видовыми, однако, не являются. В (23) указаны возможные типы семантических отношений между глаголами, составляющими акциональную пару.

- (23) а. Глагол НСВ обозначает ПРОЦЕСС, естественное продолжение которого завершается ВХОЖДЕНИЕМ В СОСТОЯНИЕ, которое обозначает глагол СВ, например, *писать* и *написать*;
- б. глагол СВ обозначает ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, которое обозначается глаголом НСВ, например, *увидеть* и *видеть*;
- с. глагол СВ обозначает ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, который обозначается глаголом НСВ, например, *закипеть* и *кипеть*;
- д. глагол СВ обозначает ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, мультипликативное повторение которого обозначается глаголом НСВ, например, *кашлянуть* и *кашлять*;
- е. глагол СВ обозначает то же СОСТОЯНИЕ, что и глагол НСВ, но описывает его как ограниченное во времени, например, *поспать* и *спать*;
- ф. глагол СВ обозначает тот же ПРОЦЕСС, что и глагол НСВ, но описывает его как ограниченный во времени, например, *погулять* и *гулять*.
- г. глагол СВ обозначает тот же МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС, что и глагол НСВ, но описывает его как ограниченный во времени, например, *капать* и *покапать*.

Будучи необходимым для адекватного сопоставления деривационных и словоизменительных языков, понятие акциональной пары все же недостаточно. Рассмотрим татарский глагол *sukalarga*, который относится к слабому предельному акциональному классу и имеет характеристику (24):

- (24) *sukalarga* ‘пахать’: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}; {ПРОЦЕСС}>

Перфективные формы этого глагола допускают и предельную (ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ‘вспахал’) и неопредельную (ПРОЦЕСС, ‘позанимался вспахиванием, попахал’) интерпретации. В русском языке, если не брать в расчет деривационную природу видового противопоставления, ситуация складывается в точности такая же: процесс, вводимый в рассмотрение глаголом *пахать*, может завершиться наступлением результирующего состояния, и тогда это событие описывается глаголом *вспахать*, а может и не завершиться, и тогда мы имеем глагол *попахать*. Неоднозначность перфективных форм, которую мы наблюдаем в татарском языке,

имеет точный аналог в русском языке, но чтобы увидеть это, нам недостаточно множества акциональных пар в (25):

- (25) а. *вспахать/пахать*: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ}; {ПРОЦЕСС}>
б. *попахать/пахать*: <{ПРОЦЕСС}, {ПРОЦЕСС}>

Необходимо принять к рассмотрению тройку глаголов — в данном случае *вспахать/попахать/пахать*. Если рассматривать эту тройку как объект акциональной классификации, мы немедленно обнаружим, что ее акциональная характеристика совпадает с характеристикой *sulalarga*:

- (26) *вспахать/попахать/пахать*: <{ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}; {ПРОЦЕСС}>

Это наблюдение подводит нас к понятию **акциональной группы** — такого набора глаголов, который реализует весь акциональный потенциал, заключенный в общей для них глагольной основе. Определение акциональной группы дано в (27):

- (27) Акциональная группа — это такая совокупность деривационно связанных глаголов, что
а. любой элемент этой совокупности образует акциональную пару с каким-то элементом этой же совокупности,
б. никакой элемент этой совокупности не образует акциональную пару с глаголом за пределами той же совокупности.

К определению акциональной группы прилагается правило, позволяющее построить акциональную характеристику группы из акциональных характеристик ее элементов:

- (28) Пусть глаголы V, V', V'', \dots образуют акциональную группу. Тогда характеристика акциональной группы представляет собой пару множеств $\langle A_{pfv}, A_{ipfv} \rangle$, где A_{pfv} — объединение акциональных значений всех перфективных элементов группы, а A_{ipfv} — акциональных значений всех имперфективных элементов группы.

В соответствии с (27а), в акциональную группу входят **только** такие глаголы, которые образуют друг с другом акциональные пары. Согласно (27б), в акциональную группу входят **все** такие глаголы. Кроме того, на процедуру приписывания акциональной характеристики акциональной группе распространяются все дополнительные условия, сформулированные для языков со словоизменительным видом в (15).

Таким образом, акциональная классификация для русского языка и других языков с аналогичной видовременной системой — это **классификация акциональных групп**, множество которых разбивается на акциональные классы.

Основные акциональные классы русского языка перечислены в (29), для каждого класса приводится по одному примеру.

- (29) а. Сильный предельный <ES, P>
убить (ES) / *убивать* (P)
б. Слабый предельный <ES P, P>
прочитать (ES) / *почитать* (P) / *читать* (P) / *прочитывать* (—)
в. Пунктивный <ES, —>

- прийти* (ES) / *приходить* (—)
- d. Непредельный <P, P>
погулять (P) / *гулять* (P)
- e. Слабый ингрессивно-непредельный <EP P, P>
заработать (EP) / *поработать* (P) / *работать* (P)
- f. Сильный ингрессивно-непредельный <EP, P>
заторопиться (EP) / *торопиться* (P)
- g. Расширенный ингрессивно-непредельный <EP P, P₁ P₂>
закипеть (EP) / *покипеть* (P), *закипать* (P₁), *кипеть* (P₂)
- h. Стативный <S, S>
жить (S) / *пожить* (S)
- i. Слабый инцептивно-стативный <ES S, S>
удивиться (ES) / *поудивляться* (S) / *удивляться* (S)
- j. Сильный инцептивно-стативный <ES, S>
увидеть (ES) / *видеть* (S)
- k. Двупредельный <EP ES P, P>
запеть (EP) / *спеть* (ES) / *попеть* (P) / *петь* (P) / *запевать* (—)
- l. Сильный стативно-процессный <ES S, P S>
сесть (ES) / *посидеть* (S) / *сидеться* (P) / *сидеть* (S)
- m. **Суженный стативно-процессный** <ES, P S>
расположиться (ES) / *располагаться* ({P S})
- n. Собственно мультипликативный <ES MP, MP>
выстрелить (ES) / *пострелять* (MP) / *стрелять* (MP)
- o. **Ингрессивно-мультипликативный** <EMP ES MP, MP>
капнуть (ES) / *закапать* (EMP) / *покапать* (MP) / *капать* (MP)
- p. **Сильный мультипликативный** <ES, MP>
бабахнуть (ES) / *бабахать* (MP)

Из (29) видно, что акциональные группы русского языка распадаются на классы, поразительно похожие на те, которые выделяются в языках со словоизменительным видом. Прежде всего, в нем представлены все классы из (19), которые систематически засвидетельствованы в рассмотренных нами языках и которые, как мы предполагаем, образуют ядро любой акциональной системы. Большая часть классов из списка в (29) имеется по меньшей мере в одном из языков со словоизменительным видом, см. (18). Всего три класса — суженный стативно-процессный, ингрессивно-мультипликативный и сильный мультипликативный (в (29) выделены полужирным шрифтом) — являются, по-видимому, исключительной собственностью русского.

Таким образом, ключевое обобщение, которое выводится из анализа русских акциональных групп, состоит в том, что русская акциональная система организована по существу так же, как и в других обсуждавшихся в этом исследовании языках. Мы видим те же классы, примерно таким же способом организованные в систему. Более того, структура акциональных классов в русском языке подчиняется тому же фундаментальному ограничению, которое мы уже наблюдали: она занимает когерентную область в пространстве акциональных возможностей. Это структура показана на схеме 9.

Как и в других языках, в русском акциональные классы образуют связанное семантическое пространство. Для любого акционального класса K на схеме 9 можно указать по меньшей мере один класс K', отличающийся от него ровно на одно акциональное значение. Мы не сталкиваемся с ситуацией, когда в системе классов

возникают пропуски или зияния и какой-нибудь класс отстоит от всех своих соседей по схеме на два или более значения.

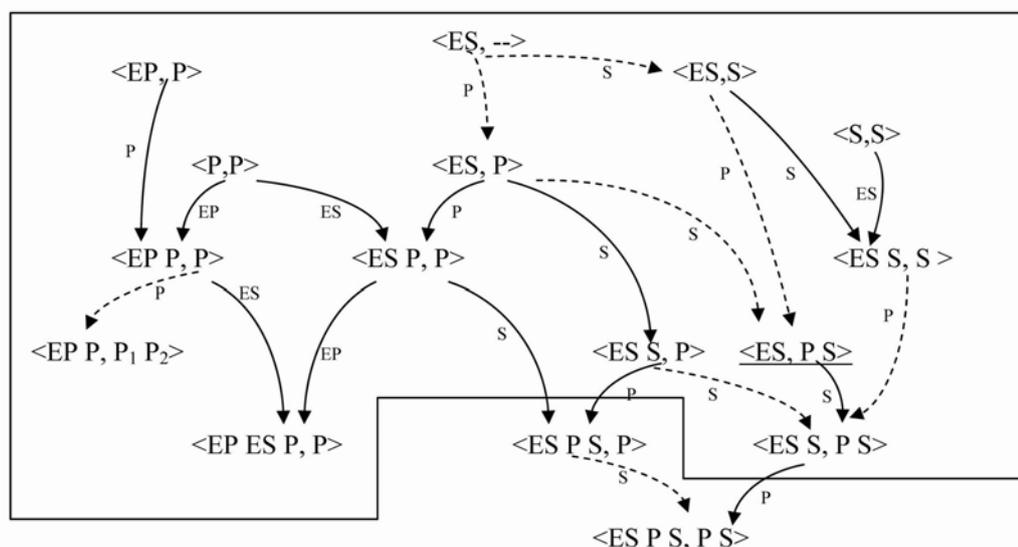

Схема 9. Система акциональных классов русского языка

Русский материал показывает, таким образом, что предложенная процедура выделения классов, адаптированная в этой главе к языкам с деривационным видом, успешно справляется со своей задачей. В конечном итоге мы сумели преодолеть барьер, который разделяет два типа видовременных систем: удалось устранить из наших обобщений тот факт, что акциональный потенциал глагола в языках типа карачаево-балкарского, багвалинского и марийского реализуется его видовременными словоформами, а в русском — разновидовыми лексемами, находящимися в отношении морфологической деривации. Данные русского языка органично встраиваются в систему обобщений, полученных на карачаево-балкарском, багвалинском и марийском материале, и в результате возникает последовательная и систематическая картина. Имеется неизменное — по-видимому, универсальное или близкое к универсальному — ядро акциональных классов, вокруг которого монотонно, с соблюдением принципа смежности, нарастает периферия, подверженная достаточно ограниченному межъязыковому варьированию. Причем русский язык не более отличается от языков со словоизменительным видом, чем эти языки друг от друга: русская акциональная система — не нечто отдельное от других, нечто, что подчиняется собственным закономерностям и ограничениям, а лишь одна из точек в универсальном пространстве типологических возможностей. Это главный положительный результат исследования акциональных классов в русском языке.

В Заключении суммируются основные результаты работы.

Исследование позволило существенно расширить представления о возможном и невозможном в сфере акциональности естественно-языковых предикатов. Выясняется, что вендлеровские классы, вопреки традиционному мнению, не свободны от межъязыкового варьирования и в действительности представляют собой лишь одну из типологических возможностей, далеко не единственную и, возможно, даже не преобладающую.

Исследуя акциональность в типологической перспективе, мы предложили процедуру, позволяющую обнаружить и зафиксировать акциональные сходства и различия между языками. Изучив акциональные системы багвалинского, карачаево-

балкарского и марийского языков, мы выявили ряд параметров межъязыкового варьирования и важных ограничений на это варьирование.

Наконец, мы предложили способ сделать сопоставимыми акциональные системы языков с деривационным видом, где акциональный потенциал глагольной основы распределяется по нескольким лексемам, и языков со словоизменительным видом, в которых он реализуется в пределах парадигмы одного глагола. Мы показали, что понятие акциональной группы (максимального множества деривационно связанных глаголов, которые отличаются друг от друга видовыми и/или акциональными значениями) позволяет сделать эксплицитными сходства и различия между такими языками, как русский, с одной стороны, и английский, багвалинский, карачаево-балкарский — с другой.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монография

Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянских культур, 2011.

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Татевосов С.Г., Майсак Т.А. Кодирование эпистемического статуса средствами морфосинтаксиса (на материале цахурского языка) // Вопросы языкознания, 1998. №1. С. 60-88. (1,5 п.л.)
2. Татевосов С.Г., Майсак Т.А. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания, 2000. №5. С. 63-80. (1,3 п.л.)
3. Татевосов С.Г. Метафизика движения в грамматике естественного языка: глагольная префиксация в северо-кавказских языках. Вестник МГУ. Филология, 2000. №6. С. 35-47. (1,3 п.л.)
4. Tatevosov S. From resultatives to evidentials: multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages // Journal of pragmatics, 2001. Vol. 33. № 3. P. 443-464. (1,8 п.л.)
5. Татевосов С.Г. Рецензия на кн. «Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность» // Вопросы языкознания, 2001. №3. С.68-76. (0,7 п.л.)
6. Tatevosov S. The parameter of actionality // Linguistic typology, 2002. Vol. 6. №3. P.317-401. (4,5 п.л.)
7. Татевосов С.Г. Семантическое картирование: теория и метод // Вестник МГУ. Филология. 2004. №1. С. 27-42. (1,5 п.л.)
8. Татевосов С.Г. Рецензия на кн. «Events as grammatical objects», ed. by C. Tenny and J. Pustejovsky // Вопросы языкознания, 2005. №2. С. 125-133. (0,8 п.л.)
9. Татевосов С.Г. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания, 2005. №1. С. 108-141. (3 п.л.)
10. Татевосов С.Г. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН, 2010. Том 6. Часть 2: Избыточность в грамматическом строе языка. СПб.: Наука. С. 300-322. (1,5 п.л.)
11. Татевосов С.Г. Из наблюдений над событийной структурой приставочных глаголов // Вестник МГУ. Филология, 2011. №1. (1,1 п.л.)
12. Tatevosov S. Detelicization and argument suppression: evidence from Godoberi // Linguistics, 2011. Vol. 49. № 3 (3,5 п.л.)

Статьи в других рецензируемых научных изданиях

13. Tatevosov S. Between perfective and past: Preterits in Turkic and Nakh-Daghestanian // Berkeley Linguistic Society. Vol. 26. Berkeley: Stanford University, 2000. P. 758-770. (1,1 п.л.)
14. Tatevosov S. A theory of Slavic Aspect and the Russian Delimitative // Kosta P., Blaszczak J., Frasek J., Geist L., Zygis M. (eds.) Investigations into Formal Slavic Linguistics. Frankfurt: Peter Lang, 2003. Vol. 2. P. 873-893. (1,2 п.л.)
15. Tatevosov S. From habituals to futures: Discerning the path of diachronic development // Verkuyl H., de Swart H., van Hout A. (eds.) Perspectives on Aspect. Dordrecht: Springer, 2005. P. 181-198. (2,2 п.л.)
16. Tatevosov S., Pazelskaya A. Uninflected VPs, deverbal nouns and aspectual architecture of Russian // Lavine J., Franks S., Tasseva-Kurkchieva M., Filip H. (eds.) Formal approaches to Slavic Linguistics. The Princeton Meeting 2005. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2006. P. 258-277. (1,4 п.л.)
17. Tatevosov S. Pluractionality vs. discontinuity // Aloni M., Dekker P., Roelofsen F. (eds.) Proceedings of the XVII Amsterdam Colloquium. Amsterdam: University of Amsterdam, 2007. P. 217-223. (0,5 п.л.)
18. Татевосов С.Г. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке // Храковский В.С. (ред.) Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 351-397. (3,1 п.л.)
19. Tatevosov S. Measuring individuals, partitioning events: Semantics of cumulative verbs in Russian // Kosta P., Schruocks L. (eds.) Linguistic Investigations into Formal Description of Slavic Languages. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2007. Vol. 1. P. 529-545 (1,3 п.л.)
20. Tatevosov S. Evidentiality and mirativity in the Mishar dialect of Tatar // Guentcheva Z., Landaburu J. (eds.) L'énonciation médiatisé II. Louvain — Paris: Editions Peeters, 2007. P. 405-433. (2,2 п.л.)
21. Tatevosov S., Maisak T. Beyond evidentiality and mirativity: Evidence from Tsakhur // Guentcheva Z., Landaburu J. (eds.) L'énonciation médiatisé II. Louvain — Paris: Editions Peeters, 2007. P. 377-406. (2,4 п.л.)
22. Tatevosov S. Intermediate prefixes in Russian // Antonenko A., Baylin J., Bethin C. (eds.) Formal approaches to Slavic Linguistics. The Stony Brook Meeting 2007. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2008. P. 423-442. (1,3 п.л.)
23. Tatevosov S. Subevental structure and non-culmination // Bonami O., Cabredo P. (eds.) Empirical Issues in Syntax and Semantics 7. <http://www.cssp.cnrs.fr/eiss7>, 2008. P. 393-423. (2 п.л.)
24. Tatevosov S., Ivanov M. Event structure of non-culminating accomplishments // de Hoop H., Hogeweg L., Malchukov A. (eds.) Tense-Aspect-Mood systems cross-linguistically. Dordrecht: Springer, 2009. P. 81-130. (3,4 п.л.)
25. Tatevosov S. Building Intensive Resultatives // Browne W. (ed.) Formal approaches to Slavic Linguistics. The Cornell Meeting 2009. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2010. P. 289-302. (1,2 п.л.)
26. Tatevosov S., Lyutikova E. Atelicity and anticausativization // Duguine M., Madariaga N., Huidobro S. (eds.) Argument structure and syntactic relations: A cross-linguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 35-68. (2,9 п.л.)

Прочие статьи и разделы в коллективных монографиях

27. Татевосов С.Г. Квантификация в естественном языке: некоторые модели межъязыкового варьирования // Нариньяни А.С. (ред.) Труды Международного семинара Диалог'97 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1997. С. 272-278. (0,5 п.л.)
28. Татевосов С.Г., Майсак Т.А. Вид и модальность: способы взаимодействия (на материале цахурского языка) // Черткова М.Ю. (ред.) Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Издательство МГУ, 1998. С. 265-281. (1,4 п.л.)

29. Татевосов С.Г. Предельность и вид (об одном морфологическом явлении в багвалинском языке) // Нариньяни А.С. (ред.) Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1998. С. 187-196. (0,8 п.л.)
30. Татевосов С.Г. Отрицательная полярность и прагматическая шкала: эмфатические глагольные формы в багвалинском языке // Дагестанский лингвистический сборник. М.: Academia, 1999. Вып. 7. С. 60-69. (0,6 п.л.)
31. Татевосов С.Г. Семантические типы предикатов: опыт типологического исследования // Нариньяни А. С. (ред.) Труды международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1999. Т.1. С. 291-302. (0,7 п.л.)
32. Татевосов С.Г. Квантификация и дистрибутивность // Труды математического центра им. Лобачевского. Т.4. Компьютерная лингвистика. Материалы школы-семинара. Казань, 1999. С. 69-92. (2,1 п.л.)
33. Татевосов С.Г. Состав и организация глагольной парадигмы. Грамматические категории глагола. Употребление глагольных форм. Маркеры эпистемического статуса. Глагольные формы в нарративном дискурсе. Кванторные слова: структура, семантика, дистрибуция. Тематический указатель // Кибрик А.Е. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. (12,6 п.л.)
34. Татевосов С.Г. Лютикова Е.А. Теория, описание, приложение: полемика и диалог // Нариньяни А. С. (ред.) Труды международного семинара Диалог-2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2000. Т.1. С. 182-193. (0,8 п.л.)
35. Татевосов С.Г. Где кончается эвиденциальность и начинается эпистемическая модальность: наблюдения над показателями логического вывода // Труды математического центра им. Лобачевского. Т.5. Компьютерная лингвистика. Материалы школы-семинара. Казань, 2001. С. 78-94. (1,4 п.л.)
36. Татевосов С.Г. Морфонология. Глагол. Местоимение. Числительное. Деривационная морфология. Вид. Время. Эвиденциальность. Ядерные формы глагольной парадигмы. Словари // Кибрик А.Е. (ред.) Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие, 2001. С.49-54, 67-125 (в соавторстве с А.Е.Кибриком и Н.Р.Добрушиной), 155-167, 231-272, 273-291 (в соавторстве с Т.А.Майсаком), 293-319, 345-369 (в соавторстве с Т.А.Майсаком). (15 п.л.)
37. Татевосов С.Г. Электронная энциклопедия «Кругосвет». Словарные статьи «Время грамматическое», «Спряжение», «Лицо». <http://www.krugosvet.ru>, 2001. (2 п.л.)
38. Татевосов С.Г. Теория акциональности и марийский глагол // Кибрик А.Е. (ред.) Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Издательство МГУ, 2002. С. 95-106. (0,6 п.л.)
39. Tatevosov S. Inferred evidence: Language-specific properties and universal constraints // Jaszczolt K.M., Turner K. (eds.) Meaning through language contrast: The Cambridge papers. Amsterdam: John Benjamins, 2002. Vol. 1. P. 177-193. (1,3 п.л.)
40. Татевосов С.Г. Семантическое картирование: объяснительная теория или описательный метод // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике. Казань, 2002. С. 239-259. (2 п.л.)
41. Tatevosov S., Pazelskaya A. Nominalization in Russian: eventuality types and aspectual properties // Dekker P. (ed.) Proceedings of the XVII Amsterdam Colloquium, 2003. P. 169-175. (0,5 п.л.)
42. Татевосов С.Г. Семантика акциональности и межъязыковое варьирование // Труды конференции "Когнитивное моделирование в лингвистике-2003". М., 2003. С. 89-101. (1 п.л.)
43. Tatevosov S. Aspectual Variability and Nominal Reference: Evidence from Turkic Languages // MIT Working papers in Linguistics. Cambridge: MIT, 2004. Vol. 46. P. 273-284. (1 п.л.)

44. Татевосов С.Г. Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации // Плуноян В.А., Ландер Ю.А., Урманчиева А.Ю. (ред.) Исследования по теории грамматики. Выпуск 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 226-256. (2,2 п.л.)
45. Tatevosov S. Degree modification and discontinuous events // Kelepir M., Ozturk B. (eds.) MIT Working papers in Linguistics. Cambridge: MIT, 2006. Vol. 54. P. 347-364. (1,1 п.л.)
46. Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. С.213-366 (9 п.л.)
47. Татевосов С.Г. (Де)каузативизация, (не)предельность и структура события // Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб., 2007. С. 37-45. (0,5 п.л.)
48. Татевосов С.Г. Вид и акциональность // Лютикова Е.А., Казенин К.И., Соловьев В.Д., Татевосов С.Г. (ред.) Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань, 2007. С.192-252. (3,5 п.л.)
49. Татевосов С.Г. Номинализация и проблема непрямого доступа // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. М., 2008. С. 750-773. (2,1 п.л.)
50. Татевосов С.Г., Пазельская А.Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Плуноян В.А., Татевосов С.Г. (ред.) Исследования по глагольной деривации. М., 2008. С. 348-380. (3 п.л.)
51. Татевосов С.Г. Аспектуальная композиция // Татевосов С.Г. (ред.) Тубаларские этюды. М., 2009. С. 78-133. (3,9 п.л.)
52. Tatevosov S., Ivanov M. Causativization and Aspectual Composition // Shi R., Vermeulen R. (eds.) MIT Working Papers in Linguistics. Cambridge: MIT, 2009. Vol. 58. P. 380-394. (1,2 п.л.)
53. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Киселева К.Л., Плуноян В.А., Рахилина Е.В., Татевосов С.Г. (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 92-157. (4,3 п.л.)